

Антон Мальцев

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антон Мальцев

Стрела времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62629733

SelfPub; 2022

Аннотация

Поиск себя в потерянном новейшем времени. Как сложится неожиданная или рассчитанная встреча двух друзей? Алексей против воли попадает в жаркий июнь 1941 года. Есть единственный способ вернуться – выполнить задание! На пути человека из будущего возникают лучшие из лучших батальона «Бранденбург 800», агенты Абвера, изверги «отряда 731». Операцию необходимо провести в городе Брест. Есть много вопросов – ответов нет. «Стрела времени» – это не только путешествие в прошлое. Это перерождение личности в условиях катастрофы. Чтобы выжить самому и спасти других – нужно отыскать себя...

Содержит нецензурную брань.

Антон Мальцев

Стрела времени

14 мая 2018 года, Ялта.

По горному ливадийскому асфальтовому серпантину бежал мужчина. Как две капли воды схожие штаны и рубаха в красную клетку выдавали в нем пациента. Он сбегал вниз, повинаясь изгибам дороги, то и дело, вонзая ноги в спадающие шлепанцы. Левую руку пациент прижимал к правому плечу, сквозь пальцы сочилась кровь.

Тяжело дыша, он сбежал в седловину и остановился у одинокого платана, возвышающегося могучим древесным богатырем с кривыми хватистыми лапами, покрытыми нарастающим весенним цветом. Под платаном стояли две обшарпанные скамейки. Дальше вниз петляла узкая тропа. Справа устьею ступенью провалился небольшой ручей.

Бежавший вдруг понял, что теперь ему просто некуда скрыться. Тропа извивалась длинно, нескончаемыми поворотами, наверное, до самого моря, которое раскинулось далеко под ним. Со своего места пациент не мог разглядеть, где тропа заканчивается. Но большая ее часть все же находилась на открытом пространстве. Он просто не успеет спуститься. Да и стоит ли? Может, хватит!

Солнце медленно катилось за горизонт. Красное зарево,

полая, растеклось на краю воды и неба. Погружаясь в еще холодные волны Черного моря, оно остужалось, багровело и угрожало окончательно исчезнуть. Над пепельной полоской неба и моря кучерявилась пыль облаков.

Пациент взглянул на свою окровавленную руку. Потом тыльной стороной вытер капли пота на остриженной голове. Расстегнул на рубаше пуговицу, рассмотрел рубцы на плече. Его жизнь, как это солнце, давно уже увязла в холодном и пустом мираже. Ровно месяц назад на вымороченном небосклоне просиял луч. Луч надежды и близкого счастья. А теперь он погас. Погас безвозвратно вместе с обреченным взглядом погибающей Махи.

Ему самому осталось сделать последний предназначенный шаг. Но он решил сделать его! Чтобы этот шаг стал противовесом малодушию и бегству, которому он поддался. Этот шаг, как выстрел, при взведенном курке. Сейчас он – взведенный курок! А спусковой крючок – его сердце! Никто и ничто не заставит его острематься, как говорил Семен Стебунцов в далеком июне сорок первого года.

С каменной подпорной стенки на асфальт серпантина прыгнул поджарый мужчина в лакированный туфлях. Остро отглаженные брюки, белая рубашка и модный пиджак сидели на нем серьезно и деловито.

– Я знал, что ты сюда пойдешь, Лемыч, – сказал мужчина и направился к пациенту прямой, но в то же время, по-кошачьи, мягкой походкой.

Тот, кого мужчина назвал Лемычем, стоял к нему спиной и не сдвинулся с места.

– Пойдем.

Мужчина остановился в нескольких шагах.

– Нет, Санчес. Я уже пришел. Это – мое место!

– Ну, не дури, Лемыч. Ты же знаешь, я не могу тебя отпустить.

– Знаю.

– Все можно решить. Я прошу. Не лишай меня выбора!

Санчес подождал, ответа не последовало.

– Лемыч, я своего слова обратно не брал, я – друг тебе!

– Я тоже тебе друг, Санчес!

Санчес вынул из-под стильного пиджака ПМ и направил его в затылок Лемычу. Под большим пальцем слетел хруст взводимого курка и тут же растворился в сумерках.

Лемыч вздрогнул и, не оборачиваясь, сделал шаг вперед.

16 апреля 2018 года, понедельник, Санкт-Петербург.

Погода была какая-то непонятная. Вокруг, то светлело, то темнело. Набухшие, точно от возбуждения, тучи мрачно-фиолетовой мглой бздырились по петербургскому небу низко-низко и обрушивали на сумрачный город мировой океан.

Невский проспект заливало. Дворники на стареньком Мерседесе еле успевали смахивать штормовые волны. Автомобиль несся по широкому проспекту и через боковые стекла, больше походившие на иллюминаторы корабля в смер-

тельную бурю, невозможно было рассмотреть шедевры петровского барокко, итальянского ренессанса, строгого классицизма; незамеченными пролетали лепнина и фрески, образы и фигуры, кони и люди, реки и мосты. Мамин уткнулся носом в ветровое стекло, пытаясь хоть что-то разглядеть на дороге. Зрение у него было не ахти.

До работы оставалось совсем немного. Свернуть на Садовую, потом на Итальянскую. Двести метров и все. Приехали!

Мамин нервничал. Сегодня – понедельник. День, как известно, тяжелый. У Мамина вдвойне.

Через две недели юношеский турнир по киокушинкай каратэ «Russian open junior cup», который должен пройти в Санкт-Петербурге. Мамин начал готовить своих «волкодавов» сразу после Нового года. Расписал систему, план подготовки согласовал с сенсеем. Плотнo взялся. В итоге, отобрал на «соревы» шесть бойцов из группы. Самых безбашенных. Сегодня по плану спарринги со «взросляками», они постарше, покрупнее. Мамин волновался. Не подвели бы «волкодавы». Слабину бы не дали. В первый раз с такими монстрами столкнутся. Но это киокушин. Здесь дух важнее. Кто тверже, кто злее, в ком сердце Данко бьется, тот побеждает. Знал, все это Мамин, сам обладатель черного пояса, знал, понимал, верил в то, что делает, но переживал. Не за себя!

На перекрестке Невского и Садовой зеленый свет замигал.

Успею, подумал Мамин. Топнул на акселератор и со

свистом вошел в поворот. Еще минута и белый Мерседес 230 класса «С» припарковался около здания с вывеской «ДЮСШ», под которой на белом фоне брутально чернела эклиптика Канку.

Мамин выглянул в окно и усмехнулся. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Что тут скажешь, Питер. Он нагнулся к заднему сидению, схватил потрепанную, одиноко лежавшую спортивную сумку с надписью «Power of karate» – одну из немногих вещей из его той, прошлой жизни, о которой он хотел бы забыть.

Внезапно передняя пассажирская дверь открылась, на сидение что-то бухнулось, обдав Мамина холодными брызгами. Он застыл, прижав сумку к груди.

– Здасти, – сказала что-то.

– Че такое? – возмутился Мамин.

– Вы только меня не бойтесь. Я вас не обижу, – успокоило нечто.

На Мамина смотрело существо женского типа, в полиэтиленовом прозрачном дождевике, на голове был натянут не по размеру большой капюшон из того же материала, отчего лицо казалось маленьким и детским. Под дождевиком теснилось легкое клетчатое пальто. На руках светлые кожаные перчатки. Остроносые колени прикрывала женская сумочка неопределенного размера. Обычно в такие сумочки, стандартные на вид, входит все, что не вошло в чемодан или даже грузовой контейнер.

– В-вы кто?– Мамин запнулся, продолжая держать сумку как щит. Он совершенно растерялся.

– Вы меня не знаете, но это сейчас неважно! – сказала девушка.

– Что тогда важно? – начинал раздражаться Мамин.

– Важно, что я девушка. Я попала в беду, и вы должны мне помочь. Вот! – выпалила пассажирка.

– Кто... Я..? Должен..? – почти вскричал Мамин.

– Не злитесь. Я же вижу, вы – добрый, – миролюбиво заметила девушка и откинула непомерно большой капюшон.

Под ним оказалась милая девица, с очерченными фиолетовым карандашом губами, голову ее покрывала маленькая старомодная шляпка, из-под которой выбивались коротко стриженные волосы цвета каштана. Руки девушка держала перед собой, сплетя пальцы. На лице застыла странная улыбка.

Мамин молчал.

– И вы должны мне помочь,– повторила она, наклонила голову, опустила подбородок и нахмурила брови. Словом, хотела придать безапелляционность требования своему выражению лица.

Голос девушки имел хрипловато-холодный оттенок. Почему-то тембр приятно кольнул Мамина в груди.

– Да с чего...

– Объясняю. Во-первых, я – Маша, соседка ваша.

– Какая, на фиг, соседка?

– То есть, работаю рядом. В магазине «Корма для животных». Ну, помните: «Живность ваша чтоб жила, покупай у нас корма». Мы же рядом с вашим спортзалом находимся.

Мамин видел этот магазин, но никогда туда не заходил.

– Вы что от меня хотите? – спросил он.

– Отвезите меня на площадь Восстания. К Московскому вокзалу. Я на поезд опаздываю! – как-то даже обиженно заявила девушка.

Да ты охренела, подумал Мамин, но сказал:

– Вы это серьезно?

– Ну, конечно. Это же рядом. Раз и там. Даже на работу не опоздаешь! – неожиданно, перешла девушка на «ты».

– Послушайте... – начал Мамин, но договорить ему не пришлось.

Девушка выхватила прижатую к его груди сумку, швырнула на заднее сидение и сыпанула словами, как из мешка горохом:

– Серьезно. Не будь жлобом. Тебе што, трудно што ли? Поехали. Если я опоздаю, мне конец.

Маша посмотрела пристально на водителя. Потом неожиданно перешла на «вы»:

– Моя жизнь в ваших руках. Вы не простите себе, если со мной что-нибудь случится. Я же знаю!

Мамин взглянул на часы. Без пятнадцати минут девять. Пипец, не успеет. Ни за что не успеет. Дернул головой, включая зажигание.

– У нас не спортзал, а дождо.

– Тебя как зовут? – спросила Маша, когда они отъехали от ДЮСШ.

– Лемыч... Ой, то есть Леша, Алексей. Вы постоянно перескакиваете с «вы» на «ты», потом обратно. Давай на «ты» уже перейдем?

– Окей. Будем знакомы, Леха, – рассмеялась Маша.

Ехать было недалеко. Если без пробок, то и пятнадцати минут не понадобится. Алексей «притапливал», кляня себя за малодушие. Опять он поддался на уговоры. Никогда не мог сопротивляться напору, особенно стремительному, и стоять на своем. Потом всегда казнил себя.

– Почему ты решила, что я сосед по работе? – не имея четкого плана, как продолжить разговор, Мамин сказал первое, что пришло в голову.

– О, это элементарно, Ватсон. Я такси ждала и еще от поворота видела, как ты спешил. Резко тормознул у ДЮСШ, припарковался. Здесь только два офиса. В одном спортзал, в другом – агенство.

– У нас не спортзал. Доджо! – напомнил Мамин.

– Потом я увидела сумку, – проигнорировала она, – Пауэррофкатэ, – кривляясь, произнесла Маша. – Чпонькс! Пазл сошелся!

– Да ты – прям Шерлок, – угрюмо пробормотал Мамин. – Не стыдно быть такой умной? И... такой наглой?

– Я обожаю всякие тайны разгадывать. Детективы и ужастики – мой конек, – поделилась Маша, не обращая внимания на попытки Мамина задеть ее.

От дождя остался трубно-ржавый запах стылой воды. Тучи нехотя расходились, как после внезапно окончившейся вечеринки. Голубеющие в вязкой хмари дыры неба, словно глаза, виновато глядели на опрокинутый ненастьем город. «Хорошо посидели» – читалось в этих глазах. С железных крыш нитками свисали остатки дождевой воды; унылые желтые, серые и коричневые стены домов горбились под тяжестью намочшего пространства. Люди выходили из своих укрытий, недоверчиво задирая головы. Из-под блестящих колес авто веером разлетались брызги, устремляясь к скучающим лужам, обрушивались на них, и, погибали, а, может, сливались с чем-то родным и обретали новую жизнь. И в этой новой жизни они отражали набирающее синеву небо.

В пути Маша посматривала на Алексея. Он это замечал, но виду не подавал. Как-то вдруг Мамин забыл про «волкодавов», забыл, что спешит. Он не заметил, что убрал ногу с педали газа, стал вести плавно, перестроился на правую полосу. Алексей не смотрел прямо на девушку, но боковым зрением пытался разглядеть ее. Маша вертела головой, поворачивая ее то к Мамину, то к прохожим.

Она не давала ему покоя.

Мария была небольшого роста, наверное, не более 160 см, не миниатюрная, но сложением тонка. Лицо не облада-

ло броской красотой, но было приятным и располагающим. Цыганские глаза, черносливые с беснующимися искрами, буквально впивались во все, на что падал ее взгляд. Маленький заостренный носик выдавал в ней человека любопытно-го и капризного.

Ерзая на сидении, Маша распахнула полу, под которой обнаружилась обтянутая чулком ножка. Алексей уловил «ню» инстинктом и быстро кинул взгляд, но тотчас отвернулся, боясь, что девушка это заметит. Опоздал! Маша вперилась в него колючим взглядом. Алексей повернулся. Маша издевательски улыбалась, а потом, кажется, потеряв интерес, отвернулась. Полу, однако, поправила.

До вокзала оставалось несколько десятков метров. Лишь площадь со стелой обогнуть. В машине повисла тишина. Как-то вдруг замолчал Алексей, притихла и Маша. В этом молчании Мамин физически чувствовал как пространство между ними, до сих пор невесомое и бездушное, стало заполняться. Энергией, чувствами, мыслями, несказанными словами. Все это выросло во что-то большое, значительное, закручивалось, сливалось где-то посередине между ними и связывало. Что-то потустороннее было в этом. Неосоздаемое прикосновение! Это разволновало и стало зовущим! Внутри все ухнуло. Сорвалось, полетело куда-то вниз. Вот-вот полету конец и все вдребезги! Разобьется. Грудь сдавило! Щемящее, болезненное, но такое приятное чувство, давно позабытое Алексеем, охватило его.

Подъехать к вокзалу не получалось. Все было заставлено транспортом. Мамин тормознул у припаркованного такси.

– Ты меня спас! – лукаво улыбнулась она.

– Брось, – Мамин не мог оторвать руки от руля.

– Я тоже спасу тебя, – непонятно к чему произнесла Маша.

Мамин протянул ей руку. Маша засмеялась, обнажив белые..не идеальные, обычные зубы. И пожала ему руку. На удивление, хрупкая девушка имела крепкое рукопожатие.

К машине Алексея грозно двинулась фигура гаишника.

– Спасибо, – Маша чмокнула Алексея в щеку.

– Погоди. Когда ты вернешься? – опомнился он.

– Потом – дверь захлопнулась, и девушка исчезла между машинами.

Мамин заметался в кресле. Он смотрел на удаляющуюся Машу, потом на идущего к нему гаишника, снова на Машу, снова на гаишника, снова на...

Вдруг он увидел, как Маша остановилась. Резко оглянулась и повернула вправо.

На ее месте стоял мужчина в синем клетчатом костюме из камвольной ткани. Остро наглаженные брюки, приталенный пиджак, галстук, белая рубашка. У Мамина никогда не было такого костюма и никогда не будет, считал он. Но не это сейчас привлекло его внимание. Лицо! Лицо мужчины было ему знакомо!

Мамин выскочил из машины.

– Саня! Саня! Санчес! – крикнул он, махая руками.

– Уважаемый!

Мамин повернулся. Рядом стоял гаишник.

– Капитан Угрюмов, третий батальон. Ваши документы.

Мамин рывком подскочил к водительской двери, дернул из куртки портмоне, достал эсерку, права, страховку и, отдавая сотруднику, глянул в сторону вокзала.

Санчеса не было.

21 апреля 2018 года, суббота, Санкт-Петербург.

Мамин стоял босым на татами в белом доги. Талию стягивал черный пояс. Он смотрел на «волкодавов», которые выстроились перед ним по шеренгам согласно поясам.

– Сейдза!

Все сели, поджав ноги под себя, начиная с левой. Мамин развернулся спиной к группе и тоже сел.

– Мокусю!

Все закрыли глаза. Прошло секунд десять.

– Мокусю ямэ!

Все открыли глаза. Мамин, не вставая с колен, развернулся лицом к группе.

– Семпай ни рэй!

Сделали поклон, включая Мамина.

– Отагай ни рэй!

Снова поклон.

– Татэ!

Все встали, начиная с правой ноги.

Мамин с гордостью смотрел на своих ребят. Его «волкодавы» отлично показали себя в понедельник, когда он встретил Машу.

– Преодолей боль, усталость и страх. Эти слова великий Масутатсу Ояма сделал девизом Киокушинкай каратэ. Наши бойцы: Семен, Матвей, Руслан, Саша, Кирилл и маленький Саша это продемонстрировали на боях. Все видели?

– Осу! – слаженно ответила группа.

– Ну, что, «волкодавы»? Готовы, через неделю биться?

– Осу!

Перед Маминым стояли пятнадцать каратексов, шестеро из которых приняли участие в спаррингах с «взросляками».

Мамин посмотрел в глаза Руслану и улетел.

– Режь его! Режь его, галуза! – орал Мамин с поста секунданта. Его боец, самый крупный из группы, лупил «взросляка». На поясе у Руслана была повязана красная лента, поэтому он звался «ака». Его соперник, у которого ничего не было повязано на поясе – звался «широ».

– Шито! Лоу! Шито! Лоу! – Мамин ощущал, что сейчас умрет; проще ему самому быть на татами, хотя сам он – не боец.

Руслан втыкал левой шито в печень противника. Но что он мог поделаться с этой гориллой? Соперник на две головы был больше.

– Руся, ближе, ближе работай! – пот катился градом, Ма-

мин задышался.

Оставалось двадцать секунд. Мамин следил по секундомеру в руке.

Соперник нанес мавашу чудан, Руся устоял.

– Хватан! – заорал Мамин. – Двадцать, двадцать! Концовка!

Руслан уступал сопернику в весе и росте. Весь бой держался ближней дистанции. Так сказал семпай Мамин. Работал шито, кагэ цки, хиза гери. Не очень изящно, но надежно. Исключил силу ударов конечностями этого мутанта. А у того даже маэ гери было бы убийственным для Руси. Но «волкодав» об этом не знал, это знал Мамин. При команде «двадцать» Руся должен сделать нечто.

– Двадцать, двадцать! – Мамин замер. Все! Момент истины!

Руся оттолкнулся от соперника, впервые за бой, бросил левую руку вверх и рванулся... головой вниз! Соперник вскинул глаза. В его переносицу прилетела пятка Руси.

Руся исполнил тоби уширо мавашу гери. Назвать дольше, чем исполнить.

После удара, соперник рухнул. Руся испуганно посмотрел на Мамину. Мамин сам испуганно смотрел на соперника.

Врачи. Носилки. Рефери считает:

– Ака – ич, ни, сан, ши, го. Ака, иппон! – рефери поднял свою руку под 45 градусов в сторону Руси.

Руся развернулся и кинулся к Мамину.

– Стой! – прошептал Мамин. Кричать уже было нельзя.
Руся, тряхнув плечами, вернулся.

– Шомэн ни рэй, шушин ни рэй, отагай ни рэй!

Все сопровождалось поклонами.

Теперь Руся спокойно пошел к семаю.

Мамин упал на колени.

Руслан разбежался и прыгнул на Мамина.

Мамин его обнял, держа на руках.

Руслану было 8 лет.

«Взросляки» – это юноши от 12 до 14 лет. Но для группы Алексея они были именно «взросляки». Потому что группа Мамина – juniors от 8 до 12 лет.

После тренировки Мамин сидел в тренерской и задумчиво «скролил» страницу в википедии. Что это было? Саня Поярков? Или показалось? Мамин всю неделю по деталям пытался вспомнить, но ничего не выходило. Он видел этого мужчину на вокзале лишь мгновение, потом его отвлек гаишник, а потом все.

Мамин посмотрел на монитор.

«Климат – резко континентальный, очень сухой, со значительными суточными и годовыми колебаниями температур. Зима – сырая, холодная, выпадает снег, лето – знойное. Самый холодный месяц – январь. Осадков – от 70 до 120 мм в год. В 70 км от города находится Репетекский заповедник. Репетек являлся самой жаркой точкой СССР: + 51,2 °С в 1983 году. Наивысшая температура на солнце на песке за-

фиксирована на уровне + 80 °С.»

Детство Алексея Мамина прошло в далекой среднеазиатской республике, затерявшейся на великих просторах Советского Союза. В лучах каракумского солнца, с темными водами Амударьи, он рос в Туркмении. Вкус детства: терпко-сладковатый сок тутовника, кислая алыча, хрустящая лепешка из тандыра. Арбузно-дынный рай!

Мамины вели свой род от казаков-старообрядцев. Присоединение Средней Азии к России во второй половине XIX века стало поворотным для политического, экономического и культурного развития региона. Но это событие стало поворотным и для семьи Маминых. Весной 1875 года по указу царя в небольшое туркменское поселение были переселены уральские казаки-старообрядцы за отказ от несения воинской службы по религиозным соображениям. Среди них был прапрадед Алексея – Устин Мамин. Он-то и заронил корни семьи в краях пустыни.

Уральцы поселились вблизи русских воинских укреплений. В детстве Алексея этот старый район города так и назывался «Уралка».

Мамин откинулся в кресле. И все же! Санчес или показалось? Он ведь и Машу уже пытал неоднократно за эту неделю. Она ведь прошла рядом с этим мужчиной в камвольном костюме. Но Маша его почему-то не видела.

Маша! Что это была за неделя. Лучшая в жизни! Мамин снова отвлекся от мыслей о Санчесе.

Маша приехала на следующий день во вторник. Она так и не сказала, где была. Эта девушка вообще не считала нужным делать то, чего делать не хотела. Соответствовать ожиданиям других не входило в число ее комплексов. Нет, это не было вызовом обществу. Не походило на жестокосердие и надменность. Просто – ее личные границы. Так она чувствовала себя. «Идентифицировала свое место в мире», как сама она говорила. К примеру, не посчитала нужным рассказывать о своей поездке, и не рассказала. Мольбы и попытки здесь вряд ли помогли бы. Алексей это сразу понял и не пытался.

Он встретил ее в обед. Столкнулись у входа в «Петергофские пекарни». Он выходил, а она входила. Кофе они пили уже вместе. Болтали о разном. Вечером пошли гулять в Михайловский парк. Алексей пригласил ее к себе. Она согласилась. И осталась.

С ней было удобно и просто. Она не задавала вопросов, не копалась в его прошлом. Даже фото на зеркале в коридоре, как напоминание Мамину об истории, которую он хотел бы забыть, но не мог – ее не смущало и не интересовало.

Счастливейшие пять дней в его жизни!

Сегодня суббота. Маша рано встала. Когда Алексей почистил зубы и вышел из ванной, она уже стояла одетой.

– Мне нужно уехать на пару дней, – сказала Маша.

– Как? Опять? Но ты ничего не говорила.

– Не хотела тебя расстраивать.

– Маша...

– Я приеду .

– Ну, давай, я тебя хотя бы довезу.

– Не нужно. Сегодня я не опаздываю. Все. Я побежала. До встречи.

Она поднялась на носочки, чмокнула Мамина в губы и упорхнула.

В дверь тренерской постучали. Мамин выглянул из-за монитора.

– Да.

Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина в камвольном костюме.

– Здаарова, Лемыч! – мужчина растянулся тонкими губами в победной улыбке, обнажив красивые белые зубы.

– Санчес! Я знал, что это был ты, – воскликнул Мамин.

– Знал? – удивленно переспросил Санчес и бодрым шагом вошел в тренерскую.

– Ну, конечно.

Они сделали несколько шагов навстречу, Санчес выбросил вперед согнутую в локте правую ладонь, сжатую в кулак; Мамин сделал то же самое; костяшки стукнулись, после чего, кулаки разжались и друзья пожали руки. Потом обнялись.

– Не забыл, – произнес Санчес. – Так про что ты там знал?

Мамин торопливо рассказал Санчесу об увиденном на вокзале; о том, как гаишник, будь он неладен, отвлек его; как всю неделю по деталям вспоминал случай, и, хотя сомневал-

ся, но до последнего верил в то, что это был именно он – Саня Поярков!

Санчес сидел, развалившись на стареньком кожаном диване, который появился в тренерской благодаря одному заботливому родителю каратэка. Он расстегнул пиджак, обнаружил под ним плоский живот, упрятанный в белую рубашку. Санчес почти не изменился, с момента их последней встречи в 2011 году. Светлый волос под полубокс; острый нос; колючий взгляд; тугие, бескровные щеки; поджатый рот. В общем, каким он был, таким он и остался. Его фигура и весь он сам были какими-то колючими, острыми, но не угловатыми. Ходил он прямо и изящно. В манерах и жестах Санчес обладал грациозностью; любил красиво одеваться и «попижонить».

– Лемыч, сразу вопрос. Ты, что там делал? – внимательно спросил Санчес.

Мамин на некоторое время задумался. В рассказе он старательно обходил тему с Машей. Почему-то ему не хотелось, чтобы Поярков знал об этом. По крайней мере, сейчас. Вопрос Санчеса ему не понравился, но уклониться от ответа, как и от пристального взгляда, было нельзя. Мамин решил, что расскажет только о странной поездке, умолчав о продолжении. Но вот он описал знакомство, дошел до момента на вокзале и, как-то незаметно для себя, «раскололся» про все остальное.

Поярков все это время сидел молча, внимательно слушал.

– Ясно, – задумчиво произнес он в конце. – Как она в целом? Безболезненно?!

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась и вошел Борис Николаевич, руководитель федерации и сенсей по совместительству. Он был небольшого роста, тучный и стареющий. К каратэ он давно потерял интерес, его заботило только наполнение кассы взносами учеников. В этом вопросе он был педантичен как немец и мелочен, как настоящий бухгалтер. Борис Николаевич бросил взгляд на Пояркова, молча кивнул ему, тот ответил тем же. Мамин при входе сенсея встал.

– Мамин, ты чего сидишь, прохлаждаешься? Когда твои взносы досдадут? Уже вторая половина апреля, – голос у Бориса Николаевича был старческий, с нерусским акцентом.

– Борис Николаевич, осталось трое. Седня позвоню, решу вопрос.

Борис Николаевич никогда не принимал плату по частям. Требовал, чтобы заносили сразу полностью. Имущественное положение родителей учеников Мамина было разным. Не всегда вовремя могли внести оплату. Мамин регулярно докладывал до нужной суммы свои кровные, чтобы избежать столкновения с сенсеем.

– Мамин, ты же знаешь, что деньги нужны для развития федерации. Соревнования, аттестации, кубки, грамоты, сертификаты. Это все федерация оплачивает... – сенсей оседлал своего любого конька – рассуждения о тратах федерации.

Мамин к рассуждениям привык, хотя и не понимал, зачем это ему знать. Взносы должны быть и они должны поступить в кассу. Это правило! Для Мамина этого было достаточно. Его устраивала жизнь по правилам. По справедливости, как он это понимал. Вот он пришел работать в федерацию каратэ. Там был свод правил. Мамин его прочитал и запомнил. И дальше жил по этим правилам. Он не задумывался, справедливы ли они. Для него они были справедливы, потому что ему их показали и он согласился.

Сенсей распалялся еще несколько минут. Двое слушателей покорно внимали. Но с разным настроением. Поярков внимательно и с интересом, даже с усмешкой; Мамин обреченно, стоя навытяжку.

Когда сенсей, наконец, вышел, Санчес сказал:

– У тебя на сегодня все?

Мамин кивнул.

– Пойдем, посидим где-нибудь.

Они шли по мощенной улице, задевая друг друга рукавами пиджаков. Солнце стояло высоко и щедро осыпало лучами брусчатку. Говорить не хотелось. Сейчас они сядут в каком-нибудь уютном месте, и у них будет время обстоятельно поговорить. Санчес появился спустя семь лет, нашел его и это не случайно. Мимо проезжали автомобили, поднимали дорожную пыль, завихряя ее в прозрачную турбулентность, и, отбрасывали горячими волнами на тротуары, прохожих и

стены домов.

Мамин думал о том, кто теперь идет рядом с ним. Друг, товарищ, соратник? А может, приятель, давний знакомый? Связывает ли их сейчас что-то, кроме того случая? В тот раз Саня взял все на себя. Отвел удар. Помог. Но тогда Мамин знал, кто перед ним. Это был лучший друг! Даже больше, чем друг! Единомышленник, плоть от плоти родной человек! Ему Алексей мог доверить все и еще немного; мог пойти куда угодно и на что угодно.

С Поярковым они знакомы с курсантских времен. Тогда при первой же встрече быстро и легко сошлись. Общие интересы, схожее деревенское детство, и просто симпатия помогали в их дружбе. Оба были увлеченными и любознательными. Представления о жизни, о будущем тоже во многом были схожи. Одна картина мира на двоих! Было и еще что-то! Необъяснимое, иррациональное чувство доверия. Оно возникло из ничего и сразу. Мамину ни разу не пришлось усомниться в этом. Пока Санчес однажды не исчез.

Курсантами помогали друг другу в жизни и спорте. Они не были похожи. Разные темпераменты, разные интересы и увлечения. Например, в спорте. Если Мамин увлекался шахматами и каратэ, то Поярков был убежденным лыжником и легкоатлетом. Алексей – жаворонок, Саня – сова. Каждое утро (когда они жили вместе в общеаге) Мамин будил Пояркова хрустом костей и сопением, тренируя отжимания на одной руке. Потом делал упражнения на пресс и что-то еще. В

общем, спать мешал. Саня скрипел зубами, но терпел. Друг все-таки. Книги их интересовали тоже разные. Мамин читал Дюма и Хорни; Саня – Тополя и Незнанского.

Их дружба отличалась заботой друг о друге. Если удавалось раздобыть «вкусняши», всегда делились. Санчес, законченный педант, частенько следил за тем, чтобы Лемыч, равнодушный к одежде, не шнырял по улице в холодное время легко одетым. Прозвище Мамин получил в институте от Ле-ха Мамин – Ле-ма, Лемыч. К Пояркову прозвища как-то не цеплялись и Мамин звал его просто Санчес.

Все это такое близкое, родное, думал Мамин, разглядывая до блеска начищенные туфли Санчеса. Как объяснить это возникающее непонятно откуда чувство радости и покоя? Как будто ты вновь оказался в своем прошлом, где тебе было хорошо. В том временном пространстве прошла его курсантская жизнь. Его и Санчеса. Многих эпизодов сейчас и не вспомнить. Да и преувеличением будет равнять этот щенячий восторг с тем, что было. Там было по-разному. Хорошо и плохо. Весело и не очень. Но до сегодняшней встречи с Санчесом Мамин не задумывался, что же связывает его с тем временем. После трагедии с Иррой Мамин несколько лет вытравливал из себя память, словно хирург кюреткой выскабливал плод. И как это обычно бывает, вместе с плодом многое, что связывало его с Поярковым, оказалось выброшенным и забытым. С момента бегства Алексея в Брест они не виделись. Общались по телефону. А три года назад Санчес

исчез даже с этих радаров. Просто. Без объяснений.

А теперь они шли вдвоем по Невскому проспекту. Алексей задавал себе вопрос, что связывает его сейчас с Поярковым? Ответ – время «первых»! Первых...! Тогда, все было впервые. Первые самостоятельные шаги вдали от дома, первый выбор; первые споры о жизни, о прочитанных книгах, настоящие споры, жаркие, до драки; первый бунт; первое настоящее и притворное; первое серьезное и ответственное; первое можно и нельзя; первая правда и неправда, когда не знаешь точно, где что!

Где все теперь? Это ПЕРВОЕ? Недоступно, недостижимо, как время. Не потрогать, не прижать, даже не оттолкнуть. Жизнь утекала, словно песок сквозь пальцы. И нельзя наклониться, подобрать. Дать еще раз высыпаться. Ничего не повторяется. Ничего! Все в первый раз и только единственный раз. Как в шахматах. Заново ход сделать нельзя. Даже если фатально ошибся. Есть только выбор. Сдавайся либо играй. До конца. Хочешь играть – ходи!

Кафе «DEL MAR» было небольшим, мест на двадцать, но очень уютным. Его выбрал Поярков. В это послеобеденное, еще не вечернее время, кафе пустовало. За баром скучно прохаживался бармен, подыскивая себе занятие. Он, то брался протирать бокалы, то заглядывал в кофе-машину, то поправлял висящие на держателе фужеры. Время от времени бармен поглядывал на посетителей, занявших столик в

конце зала. У стойки дежурила стройная официантка.

– Уж не знаю, Лемыч, что тебе там померещилось на вокзале. Но приехал я только сегодня, – сказал Санчес, когда они уселись за столик.

Мамин удивился, но вида не подал. Крыть было нечем, он действительно не был уверен, что видел именно Санчеса.

– Предлагаю по пидесят, – сказал Санчес и заулыбался.

Мамина тоже улыбноуло. А потом оба рассмеялись. Вспомнилась история, случившаяся с ними в казино. Это произошло в единственный раз, когда Алексей там побывал. Еще курсантами слоняясь по городу, пошли в казино. Оба там оказался впервые. Поскольку карточные игры они не знали, сели за рулетку. Во время игры предлагали коньяк. Бесплатно. Мамин с Санчесом не пьющие, на спорте, но от халявы не отказались. Так и пошло. Ставка за ставкой, под коньячок.

«Делайте ваши ставки» – прозвучала команда крупье, очаровательной блондинки лет двадцати в туго обтянутом бордовом костюме со вторым, но стремящемся к третьему, размером груди. Собственно, друзья и подсели к столу из-за нее.

– Чертовка, – прошептал Санчес. Алексей согласился.

На одной из ставок Саня сказал:

– Ставлю пидесят на красное.

Девушка-крупье взяла и повторила:

– Пидесят на красное, – и покраснела.

Все произошло быстро, многие за столом даже внимания

не обратили. Только не инспектор у стола, девушка чуть постарше, и менее привлекательная. Она взглянула на блондинку и после этого розыгрыша крупье сменила. Как потом выяснилось, девушку-крупье оштрафовали. Впрочем, когда блондинка вернулась, Поярков вручил ей чаевые в виде трех оставшихся фишек по сто рублей. Все, что у них было, они тогда оставили в казино.

Санчес помахал стоявшей у бара официантке. Та подошла. На небольшой аккуратной груди был приколот бейдж «Анжелика».

– Что будете заказывать?

– «Джеймсона» ноль семь, оливок без косточек, колы, пару стейков, горошек, лед, – потом перевел взгляд на Алексея и продолжил, – Ты что-нибудь будешь, Лемыч? – с чувством юмора у Пояркова было все в порядке, как и прежде.

Официантка отметила заказ в блокноте и ушла.

– Давно не виделись, Санчес, – сказал Мамин.

– Давненько. А ты, я вижу, стараешься держаться в форме, – Санчес кивнул на фигуру Мамина.

В отличие от своего друга, Мамин к тридцати годам изменился. Будучи среднего роста, он раздался вширь. Скуластые щеки покрывала белая щетина. Мамин использовал образ известного миллиардера, владельца английского футбольного клуба, то есть образ трехдневной небритости. Когда-то изогнутые, надменные губы теперь были только изогнутыми и выдавали то ли покорность, то ли печаль. Голова безнадеж-

но лысела. Теми же оставались только голубые глаза. Они не потухли тогда, семь лет назад, они переливались синевой и сейчас.

– Я больше, Санчес, по кихону, ката. По-стариковски, – улыбнулся Мамин. – Расскажи о себе. Потерялся так внезапно.

– Погоди, Лемыч, – Санчес повернулся к подошедшей официантке. Та поставила на стол бутылку «Джеймсона», стала раскладывать приборы. Наклонялась и изгибалась она чуть глубже и эротичнее, чем этого требовал этикет. Поярков без смущения ее разглядывал.

Когда официантка отошла, Санчес взял бутылку и разлил в стаканы.

– Давай, по писят. Все потом.

Они выпили.

Санчес в двух словах рассказал о себе. Женат, двое детей, живет в Москве. Служит в конторе. Уже полковник.

– Я, в общем, давно на связи с ними был. Еще с института, – пояснил Санчес. – Три года назад официально перешел, уволился из МВД.

– Так, ты, поэтому исчез?

– Лемыч, я никуда не исчезал. Ты к тому времени из Бреста вернулся. Здесь обосновался. Я время от времени интересовался. Только расшифроваться не мог. Служба. – Санчес пожал плечами.

– Значит, про себя могу не рассказывать. Контора пи-

шет!?

– Пишет! – усмехнулся Санчес.

– Что изменилось? – напрямую спросил Мамин.

– Изменилось – уклончиво ответил Санчес.

К столу подошла официантка. Поставила колу и блюдо с оливками.

– Анжелика, когда будет горячее? – сладко пропел Поярков.

– Через двадцать минут, – пропела в ответ официантка. Санчес ей понравился.

Санчес вынул из внутреннего кармана пиджака непонятно как там оказавшуюся маленькую красную розу и подал официантке. Та кокетливо дернула короткой юбкой и, приняв презент, ушла.

– Что еще ты в карманах носишь? – спросил Мамин. – Фенобарбитал и гранаты?

– Гандоны и миррастин, – заржал Санчес. – Ладно, давай! Похер! Пляшем! – добавил он и налил обоим виски.

– В культурной столице так не говорят, – сказал Мамин.

– Да? И как же говорят?

– Не похер! Пляшем! А, пренебречь! Вальсируем!

– О-о! Это тянет на тост.

Выпили еще. Внутри потеплело. Алкогольный яд медленно растекался по телу. Мамину захорошело. Он откинулся на спинку стула и смотрел на Санчеса слегка мутным взглядом.

– Давно в Бресте не был? – неожиданно спросил Санчес.

– А говоришь, контора пишет. Не все, значит, пишет!?

– Пишет, пишет. Когда нужно.

– С тринадцатого года не был. Как уехал и все.

– Ты мне рассказывал, что какое-то занимался историей города, – напомнил Санчес.

– Не историей города. Так. Созданием крепости и ее обороны в разные годы. Не серьезно и не систематически. От нечего делать.

– Что ты слышал о Брест-Литовском мирном договоре?

– Что я слышал? Мирный договор, подписанный третьего марта восемнадцатого года между Советской Россией и Тройственным Союзом. В Белом дворце на территории Брестской крепости подписали. На первом этапе переговоров Троцкий отказался подписывать договор, в итоге подписали Сокольников и Чичерин. Ленин назвал его «поганым».

– О секретных протоколах к договору что-нибудь слышал? – спросил Санчес.

– Слухи ходили. Но их никто не видел, – пояснил Мамин. – А что, они есть?

– Не знаю, – ответил Санчес. – Но очень хочется узнать.

– С каких пор контору история интересует?

– А нас все интересует, чем Родина прикажет интересоваться.

– А все же, – настоял Мамин.

– Четырнадцатого марта открылся четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Часть левых эсеров Ка-

релин, Штейнберг вышли из ЦК после опубликования текста договора. Poleмика была жуткая. Ленин всерьез опасался раскола.

– Ну, да. К моменту подписания Советская власть существовала сто двадцать девять дней всего, риск был, – согласился Мамин.

– Вот! – подчеркнул Санчес. – Договор на съезде ратифицировали, семьсот четыре против двухсот восьмидесяти четырех при ста пятнадцати воздержавшихся.

– Во, где демократия была. А еще говорят – диктатура. Это сейчас диктатура. Единая Россия голосует, остальные подмахивают, – засмеялся Мамин. – Но все равно не понял, тебе, что за дело?

Санчес замолчал и внимательно посмотрел на Мамину. Не вдаваясь в подробности, Санчес пояснил, что работает в Управлении специальных операций. Одним из направлений их работы является установление возможности выполнения задач в прошлом.

– Чееего? – протянул Мамин.

К столу вновь подошла официантка. В руках она несла две широкие дымящиеся тарелки.

– О! Как кстати! – воскликнул Санчес. – Анжелочка, какой у вас номер?

– Я не даю телефон клиентам, – парировала Анжелика.

– А я не про телефон, – шурился Санчес.

Девушка смутилась.

– Ну, хорошо, – соглашательски продолжил Поярков. – Телефон так телефон, говори номер.

– Я не могу, нам запрещают, – девушка кивнула на бармена.

– А мы тихонько, – заговорщически прошипел Санчес.

– Нет, нет! – официантка попыталась уйти.

– Анжелика! – резко повысил громкость Поярков, демонстрируя намерение продолжать добиваться телефона на весь зал. Эффект сработал. Официантка вернулась.

– Не кричите, пожалуйста, – умоляюще прошептала она.

– Восемь, девятьсот... – без предисловий начал Санчес.

Официантка продиктовала номер и ушла.

– Технично, – сказал опьяневший Мамин.

– Ерунда. Это безболезненно.

– Значит, в прошлое заглядываете? – спросил Мамин.

Поярков неопределенно покрутил ладонью, мол, пытаемся.

– И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

– Лемыч, с каких пор ты решил, что меня интересует вера? Я – служивый! Выполняю задачу. Вот и все!

– Знаешь, а я бы хотел вернуться назад, – Мамин мечтательно откинулся.

Поярков скучающе посмотрел на Мамина.

– И зачем же, позвольте поинтересоваться, сударь?

– Ну, скажешь. Зачем?! Если бы вернулся, нашел бы за чем.

– А все же.

– Да глупости все это, – попытался уйти от разговора Мамин.

– Давай с темы не соскакивай. Ты чего?

– Долго рассказывать. Давай еще по пидесят.

Мамин потянулся к бутылке.

– погоди, не гони. Значит, интересна тебе идея возврата в прошлое? – спросил Поярков, останавливая руку Мамина. За столом он вел себя как начальник. Мамин подчинился.

– Ну... – неопределенно сказал Мамин.

– Зачем тебе?

– Так, ясно же зачем. Что-то вновь пережить, что-то поменять. У меня вся жизнь в прошлом осталась. А настоящее – когнитивный диссонанс между представлением об устройстве мира и реальностью. Я ценю справедливость и порядок. Сегодня – это «чушь и дичь». То, во что верил, оказалось химерой. Книжные иллюзии. Друзей нет и неоткуда появиться. Ну, кроме тебя. Вот если бы вернуться и по-новому сыграть. О, я бы прожил жизнь!!

– Слышал что-нибудь про «стрелу времени»? – спросил Саня.

– Ммм. Нет.

– Это трудно объяснить на пальцах. Но если без подробностей, то в начале двадцатого века возникло учение о ноосфере. Одним из основоположников которого был Вернадский. Это ты конечно знаешь. Суть учения о неотделимо-

сти и взаимовлиянии человека и биосферы. С того времени много воды утекло. Наука сильно продвинулась вперед. Сейчас базовой проблемой является коэволюция биологических видов. То есть, изменения, затрагивающие какие-либо признаки особей одного вида, приводят к изменениям у другого. Мы это наблюдаем на протяжении всего двадцатого века. Так вот, существуют закономерности этого процесса и механизмы, позволяющие его направлять.

– Это то, чем ты занимаешься? – усомнился Мамин.

– Не совсем. В рамках научного исследования коэволюции было выявлено явления обратимости времени. Целое НИИ этим занимается. Внутри этих исследований достигнута возможность управления обратимостью. Это назвали «стрелой времени».

– Вы, что? В прошлое научились летать? – съехидничал Алексей.

– Летают птички и «еропланы». Мы путешествуем, – ответил Поярков.

– Без обид, Сань. Хрень какая-то. Читал я про «попаданцев» в прошлое. Сказки это. Да и смысла в таких «попаданиях» не вижу. Приключения, мля.

– Ты, погоди. Не горячись, – хладнокровно заметил Саня. – Мы не на прогулку, а по вполне конкретным заданиям. У нас узкоспециализированная работа: документы, информация, люди. Все по профильному ведомству.

– Контора пишет. Не далеко лезете? – иронично заметил

Мамин.

Поярков промолчал.

– И что? Прямо, вот так в прошлое можно вернуться? И что-то изменить? – продолжал Мамин.

– Знаешь. Вернуться то несложно. Есть только одна зако-
выка.

– Какая?

– В своем прошлом ты рассчитываешь на то, что будешь сегодняшней. Сможешь поступить по-другому. Исправить. По новому прожить пройденный когда-то этап. Это не так. Все будет, как тогда, в тот первый раз. Все будет тем! И – ты!

– А смысл?

– Я и не предлагаю тебе искать смысл. И, кстати, в вернуться в свое прошлое тоже – хладнокровно заметил Поярков.

– А ты вообще, что-то предлагаешь?

– погоди, давай закончим с этой темой. Ни при каких условиях свою жизнь перекроить не получится. Надеяться на это – утопия, – Саня странно усмехнулся. – Жизнь это цепь связанных и не очень связанных событий. Природа слишком велика, чтобы свое развитие соотносить с пожеланиями каждого существа на Земле. Природа движется к своей цели. И путь этот неумолим. Вся цепь даже случайных происшествий подчинена выполнению главной задачи. Приближать к цели! Человек, как песчинка природы, заложник этой цели. И нам, человекам сложнее, чем, скажем дереву или слону.

– Потому что человек способен к осознанному творчеству, может предвидеть отдаленные последствия своих действий, а животные нет, они подчиняются своим инстинктам, а действия запрограммированы – монотонно и книжно забубнил Мамин.

– Да – невозмутимо продолжил Санчес. – Развитая кора головного мозга. Мы, как и любое животное, в ходе ряда случайностей, добавляем капельку к приближению конца. Но в отличие от них, нам может казаться, что каждый из нас это субъект, представляющий особую ценность. Кора головного мозга позволяет нам нарисовать любую значимость и даже убедить себя в этом. Вот и получается, что живем в иллюзиях.

– Погоди – не унимался Мамин, когда они опрокинули еще по пятьдесят. – Вот, к примеру, я в прошлом. Я ведь могу не обидеть человека в ситуации, в которой обидел; или не уйти, когда ушел. Разве это не изменит мое настоящее?

– Конечно, нет. В любой момент жизни ты всегда делаешь лучшее из того, что мог сделать. Если тебе дадут, скажем, сделать ход повторно в шахматной партии. Кажется, это изменит партию. Может быть. Но если ты сделал ход, ведущий тебя к поражению, то значит, ты должен прийти к поражению. И ты к нему придешь. Не в этой, так в другой партии. Иными словами, путь к своему концу ты можешь сделать каким угодно зигзагообразным, если у тебя будет возможность ходить снова и снова. Но итог все равно будет таким, како-

го ты заслуживаешь, исходя из заложенных в тебе предрасположенностей. Каким бы эрудированным ты не стал, ты не проживешь свою жизнь лучше, чем ты ее прожил. Я понимаю твое желание исправить ту ситуацию, с Ириной. Лемыч, забудь про это! Импоссебл!

Лицо Мамина потемнело.

– С этим закончили, – жестко продолжил Санчес. – То, что я дальше скажу, Лема, это важно и конфиденциально. Степень секретности максимальная. Готов слушать?

Мамин колебался мгновение, потом кивнул.

– У меня есть проект, который экспериментально я могу протестировать в ближайшее время. Официальных лиц и действующих сотрудников привлекать к нему не могу. Кроме того, нужны специальные познания. В том числе, географические, знание местности. Перемещаться никуда не придется. Все будет происходить, если на пальцах, под гипнотическим эффектом. Цель – секретные протоколы, их существование и место хранения. Время эксперимента от нескольких дней до двух недель. Подробности, бонусы и вознаграждение после подписания контракта. Что скажешь? – Санчес взял бутылку и разлил по полному стакану. Виски кончилось.

Мамин почувствовал себя на ступень ниже. Даже не зная последних лет жизни Сани, ясно ощущалось, что тот ходит в начальниках и занят чем-то серьезным. Алексей отметил, держится уверенно, чуть надменно, но деликатно. Не ищет

возможности показать свою силу, наоборот, старается говорить без административного апломба.

– Тебе кролик нужен? – спросил Мамин.

– Мне не просто кролик нужен. Мне кролик с биографией нужен. Породистый, обученный и свободный от житейских обязательств, поскольку тестирование предполагает время. Мне боевой кролик нужен. Такой кролик, который тигру, если придется, голову отвернет. Ты мне нужен, Лемыч! – потом добавил. – Надежность и доверие тоже никто не отменял.

– Слушай, я вспомнил. Полгода назад в «Аргументах» статья была о том, что в секретных лабораториях ФСБ проводятся исследования со «стрелой времени». Агентов засылают куда-то, а они не возвращаются. Исчезают люди. Бред сивой кобылы. Это не про вас случайно? – спросил Мамин.

– Случайно про нас. Но ты прав, только сам факт имеет место, остальное бред.

Мамин хотел продолжить тему бреда, но Поярков перебил.

– Пакты до настоящего времени нигде не всплыли. Возможно, лежат у кого-то в частной коллекции. А нам важно знать, что там было изложено. Международная обстановка сам видишь какая. Неровно дышат в нашу сторону с запада. Под брюхом повстанцы окопались. Есть сведения, что документы могут «всплыть». Нужно подготовиться.

– И ты мне вот так, просто раскрываешь гостайну? – усомнился Мамин.

– А что ты с ней сделаешь? Расскажешь? – Поярков рас­смеялся. – Рассказ свой закончишь в дурдоме.

Мамин задумался, хотя о чем тут думать. По сути, пьяный бред. Санчес просто измывается. Стебется. Но с другой сто­роны, если Санчес не врет – это шанс. Шанс изменить жизнь. В каком-то смысле вернуться в систему. Пусть в таком каче­стве. Но это пока. Тут же главное зацепиться. А зацепиться сейчас было бы ой как неплохо, в свете развивающихся от­ношений с Машей. Но что-то его смущало. Вечное русское – про синицу и журавля. Такие эксперименты на голову всегда сопряжены с рисками. Пойдет что-то не так. Все, поминай, как звали.

– Ну, что задумался? Сомнения? – прервал размышления Санчес.

– Знаешь, после того случая, с ...Ирой – Мамин запнул­ся. – Жизнь на рельсы встала. Как не хочется резких пово­ротов. Понимаешь?

– Понимаю. Лемыч, но ты подумай, финансово укрепишь­ся, тебе сейчас не помешает, в систему вернешься, для нача­ла так, – будто прочитал мысли Мамина Санчес.

– Нет, Санчес. Мое чутье говорит мне, не стоит – сказал Мамин.

– Чутье? Чутье – это ненадежно. А другу помочь? – спро­сил Санчес.

– Санчес, это удар ниже пояса. Не ставь меня в положение «должника». Я никогда не забывал и не забуду, что ты сделал

для меня, но...

– Ладно, расслабься – примирительно сказал Санчес. – Нет, так нет.

Друзья попрощались у входа в «DEL MAR». Санчес заказал такси, послал воздушный поцелуй Анжеле, и уехал.

Алексей неторопливо шагал по Невскому проспекту. День клонился к закату. В одурманенной голове дымно и туманно ворочались мысли. О Санчесе, о Маше, об Ире, о жизни, о сказанном. Мамин, словно древний мельник, вращал тяжелый диск жернова, переходя от одной мысли к другой. Засыпающий город сквозь белесую дымку над крышами домов посматривал на вялых, усталых прохожих. Время текло медленно, будто подстроилось под темп мыслей и шагов Мамина. Он вспомнил, что есть еще одно обстоятельство, которое связывает его с Поярковым.

Ира! История, перечеркнувшая его жизнь. Поделившая ее на до, и после.

Поярков, собственно, и познакомил Алексея и Иру. На свой день рождения он пригласил свою знакомую. Та привела подругу. Это и была Ира. Со знакомой Санчес расстался через неделю, а Алексей с Ирой «задружили».

В Иру Алексей влюбился сразу и бесповоротно. Хотя характерами они не сходились совсем. На жизнь смотрели разными глазами. Для него жизнь – путь борьбы, он жаждал побед, был преисполнен романтической воинственности. Она

– хотела просто жить. Жить спокойной, семейной жизнью, поглощенной обычными заботами. Ее не интересовали крутые виражи и рыцарские турниры, о которых бредил Мамин. Тем не менее, они полюбили друг друга, много времени проводили вместе и почти не сорились. У Алексея уже шли горы. Ира училась на третьем курсе.

Однажды она поехала на учебу. И не вернулась. Прошел день. Два. Три.

Ее искали. Милиция, родные, Алексей с Санчесом. Нашли на пятые сутки.

– «Пиииии», – громко просигналили из автомобиля. Алексей не заметил, что стоял на пешеходном переходе. Все уже прошли, а он замешкался.

– Ты чо, бля, слепошарый! – заорал из окна водитель.

Мамин быстро закончил переход. У доджо стоял его Мерседес, но Алексей решил не садиться сегодня за руль. Во-первых, нетрезв, а это нарушение порядка. Во-вторых, воспоминания растормошили дух, а это мешало сосредоточиться. Решил ехать на метро. Он направился к подземке. Вдруг, ощутил на спине пристальный взгляд. Резко обернулся. По тротуару шли пешеходы. На него никто не смотрел. Мамин повернулся и продолжил движение, но вдруг снова ощутил на спине взгляд. Мотнул головой назад. Ничего! До подземки оставалось около пятиста метров. Мамин никак не мог отделаться от ощущения преследования. Даже проезжающие автомобили вызывали напряжение. Липкое тревожное чув-

ство бесконтрольно растекалось по телу. По мышцам пробежал озноб. Алексей попытался взять себя в руки, но ничего не выходило. Его определенно трясло.

Черт! Что со мной? Нужно быстрее в метро и домой. Может Маша уже дома.

Мамин торопливо сбежал по ступенькам в вестибюль, приложил «подорожник» к считывателю и оказался на эскалаторе. Вокруг стояли ничего не подозревавшие и обращающие внимания на него люди. По привычке Мамин смотрел на встречный поток. Глаза бесцельно скользили по головам, лицам, плечам пассажиров. Внезапно, он выхватил из толпы колючий взгляд. Бесцветные рыбы глаза смотрели в упор на Мамина. Взгляд был водянистый, холодный, безжалостный. Через пару секунд ленты эскалатора разъединили Мамина с этим взглядом.

В вагоне Алексей почувствовал, что его неумолимо клонит ко сну. Он встал и подошел к дверям. «Do not lean on the door» прочитал Мамин и нарушил правило, прислонившись к дверям. Стоять самостоятельно он не мог. Алексей смотрел через стекло на пролетающие в каких-нибудь пары десятков сантиметров провода, шланги, крепления в туннеле метрополитена. Он чувствовал, что слабеет. Постепенно картинка грязной стены стала исчезать. На ее месте появился асфальт, залитый дождем. Мамин поднял глаза и увидел лицо Маши с прилипшей на лбу мокрой прядью, он поднял глаза еще выше, увидел голубое-голубое небо. Странно! Как

это возможно? Лужи на асфальте, мокрые волосы Маши и ...голубое небо. Он хотел еще раз взглянуть на Машу, на асфальт. Может быть ошибся. Но опустить взгляд не получалось. Ему показалось, что он сползает по дверному стеклу вниз с задранной вверх головой. В глаза ударил яркий свет и Алексей потерял сознание.

спецсообщение. совершенно секретно.

В ходе операции "договор" установлено:

Оперативный контакт с М., агентурный псевдоним "участник", проведен 21 апреля 2018 года. Разведопрос провел полковник П. Объект: кафе Дель Мар. Степень осведомленности "участника" о документах оперативным путем не установлена. В ходе беседы М. от сотрудничества отказался, однако П. считает возможным дальнейшее использование «участника». Это соответствует плану оперативного внедрения агента Д. и отвечает целям операции. Предлагаю перейти ко третьему этапу операции.

Начальник 3-го Управления

генерал-майор Синцов

СООБЩЕНИЕ НКГБ СССР НАРКОМУ ОБОРОНЫ СССР ТИМОШЕНКО С ПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ ЗАПИСИ НАБЛЮДЕНИЙ

№ 2173/м 9 июня 1941 года Совершенно секретно

Направляем запись наблюдений сотрудника НКГБ СССР, произведенных им во время проезда через территорию Генерал-Губернаторства и Германии днем 5 июня 1941 года.

Зам. народного комиссара
государственной безопасности Союза ССР Кобулов

Сообщение из Берлина:

1. В прилегающей к советской границе полосе, с обеих сторон железной дороги от ст. Малкия расположены крупные германские воинские части, в том числе кавалерийские. Значительная часть из них расположена в лесу.

2. На протяжении 200 километров вглубь от советской границы идет спешная работа по строительству новых железнодорожных веток и стратегических шоссе и дорог, реконструкция старых железнодорожных магистралей и устройство новых развязок.

3. Все мосты охраняются зенитными пулеметами и зенитной артиллерией мелкого калибра. Обслуживающий персонал находится тут же в полной боевой готовности.

4. На пути до Кутно встретили 25 – 30 эшелонов, направ-

лявшихся на восток с моторизованными войсками с полным вооружением: зенитные пулеметы, мелкого и среднего калибра зенитная артиллерия, минометы, противотанковые пушки, мелкие и средние танки и пр.

5. На всем протяжении от нашей границы вплоть до Познани с небольшими интервалами на восток движутся по шоссе дорогам моторизованные воинские колонны. Зафиксировано несколько десятков колонн с количеством от 20 до 100 машин в каждой и несколько крупных колонн;

а) между станциями Коло и Канин – колонна длиной около 20 километров, состоявшая из больших грузовиков на равных дистанциях – 10-15 метров друг от друга;

б) за Кутно справа по шоссе двигалась колонна артиллерии среднего калибра в составе нескольких сот грузовиков и пушек;

в) колонна моторизованных войск на 5-тонных и более военных грузовиках. Эта колонна растянулась от станции Врашен до Познани. Часть колонны грузится на станциях Кутно, Лович и под Варшавой.

6. В Кутно заправлялись два состава зенитной артиллерии (один из них крупной артиллерии).

За Кутно встретились еще два состава зенитной артиллерии.

На всех воинских поездах установлены зенитные пулеметы и зенитная артиллерия в полной боевой готовности.

7. Войска состоят из молодежи в основном в возрасте от

20 до 30 лет. Хорошо одеты, откормлены. Производят впечатление ударных частей, уже побывавших в боях.

Зам. народного комиссара
государственной безопасности Союза ССР Кобулов

20 июня 1941 года.

Снился сон, удивительный, нежный. Голубиная синева, облака, словно крылья медленными взмахами несут прозрачное тело вперед. Воздух насыщен чем-то бархатным и легким. Вокруг царит безмятежность и покой. Здесь и он – Мамин, парящий в невесомости над землей. Никаких мыслей, никаких планов – только жгучее желание, чтобы это мгновение никогда не кончалось!

«Там-там, та-дам. Там-там, та-дам».

Удары сердца в унисон сливались с металлическими ударами, от которых потряхивало. Алексей Мамин проснулся от двух вещей сразу: от стука колес поезда и от того, что кто-то довольно бесцеремонно трясет его за плечо. «Покачивает. Поезд? И воздух спертый. Душновато здесь, «потником» несет, табаком каким-то. И, вообще, где я?»

– Товарищ капитан, Брест через час – приятный женский голос сообщил важную (судя по настойчивому тереблению плеча) информацию.

– Да, спасибо!

Почему ответил именно так? Сказал на автомате? – эти мысли веером пролетели, пока Алексей обдумывал, что с ним происходит и, желая поскорее избавиться от назойливой тряски.

Ответ сработал. Голос исчез.

Поднялся. Сел. Пока приземлял ноги на пол, наткнулся на какой-то предмет, который с небольшим грохотом свалился. Пригляделся. Ба, да это же сапоги. Обычные кожаные сапоги. Хотя как обычные!?! Сапоги довоенного образца с прямыми голенищами. Внутри рыжая поверхность голенищ была проштампована треугольниками, цифрами и буквами. На подошве светло-коричневого цвета, каблук обит гвоздями в форме щита.

Мамин аккуратно, даже с трепетом, поставил сапоги на подошву и огляделся.

Несмотря на полумрак, помещение Алексей определил как купе поезда. Два спальных дивана, столик, окно, сквозь мутные стекла которого мелькали в лунном сечении оглобли лесопосадок. Если применить терминологию двадцать первого века, то купе – СВ. Под ногами плотная ковровая дорожка, втиснутая, как в прокрустовом ложе, между диванами. Покрытые лаком стены, играли бликами от дрожащих фонарей.

Ничего не понимая, Алексей пошарил по дивану рукой, потом опустил руку на колено. Нащупал что-то. Е-мое, это что за шаровары?!

Предательский холодок пробежал по спине. Алексей обнаружил на себе брюки-галифе военного образца годов этак 30-х. Торс был спрятан под белым тельником, очень похожим на тот, который выдавали в институте МВД. Но тогда его никто не носил, считалось «западло».

Алексей откинулся назад к стенке, закрыл глаза и пытался успокоиться. Сердце бешено стучало. В воображении возникла картина из кафе «DEL MAR». Стол, скатерть, салфетки, бутылка «Джеймсона», Санчес.

Санчес!

Мамин открыл глаза – купе поезда, мерные удары «там-там, та-дам», восходящие снаружи от стыков рельс. Сквозь приоткрытую дверь купе Мамин разглядел ковровые дорожки вдоль коридора, бархатные занавески на окнах, начищенные медяшки. Откуда-то из соседних купе доносились звуки: разговор, храп, бумажное шуршание. Поезд жил своей жизнью. Но какой жизнью?! Какого года?!

В голове шумело. Мерные удары колес молоточком отзывались в черепе. Пили вчера. Что потом? Пошел пешком, метро, «Do not lean on door».

Неужели Санчес не соврал. Это – путешествие?! Так, нужно собраться. Что он говорил? Что-то про Брестский мир. Голову саднило. Это мешало думать. Алексей вновь переключился на убранство помещения.

Справа, на металлическом крюке висела гимнастерка, на концах отложного воротника красовались петлицы защитно-

го цвета с красным прямоугольником. Рядом фуражка с зеленой тульей, немного приплюснутая и кажущаяся квадратной. В сапогах Мамин обнаружил тряпки.

– Портянки – вздохнул Алексей.

В институте МВД он не застал этот атрибут воинской службы. В его время уже ходили в берцах и носках. Но Мамин подростком жил в деревне, там и научился ходить в кирзачах и портянках. Мотать он умел их как минимум двумя способами. Это радовало сейчас.

В дверном проеме появился силуэт с подносом в правой руке. Левой же рукой, довольно ловко просунув ее в купе, силуэт включил свет.

– Вот чай! Извините, сахара нет. Кончился, – голос тот же, что будил Мамина.

Перед ним стояла женщина лет сорока, полная, но умеренно. Мамин окинул ее взглядом. Ее внешний вид не оставлял никаких сомнений. Проводница. В униформе темно-синего цвета, с красными околышами; странного, непривычного современному взгляду, покроя. Проводница отлично вписывалась в интерьер купе, но сильно выпадала из его (Мамина) представлений о мире. Он даже успел обратить внимание, что колготки у нее ядовито-коричневого цвета. Мягко говоря, не Кальцедони.

– Да, спасибо, – опять сказал Мамин, и, возникла мысль, как глупо он выглядит, наверное, сейчас.

– Сахар вообще есть. В вагоне-ресторане. Но там такой

кулачище сидит. Снега зимой не допросишься, – проводница вместо «ш» пропищала «сся», – Он думает, мне оно надобно. А на шо оно мне? У меня паек есть.

Кричащую негодованием речь проводница убедительно сопровождала живой мимикой и жестикуляцией. Ее полные щеки плясали, руки по-дирижерски точно вывели в воздухе образ держиморды, начальника ресторана. Женщина не сомневалась, для пассажира это была наиважнейшая информация.

Она поставила стакан в железной подстаканнике на стол и повернулась к Алексею.

– Я бы спросила для вас. Но он же откажет. Скажет, пусть сам придет – виновато сказала проводница.

– Бросьте, – ответил Мамин. – Так, а сколько я должен? – по привычке хлопнул он по карманам.

– Вы что? – глаза проводницы взлетели вверх. – Ничего не надо. Я же знаю, куда вы едете.

Она наклонилась к Алексею, обдав его запахом приятно-го одеколона, при этом униформа там, где положено упруго натянулась под тяжестью двух окружностей.

– Я знаю, что скоро война будет, – заговорщически прошептала она.

Потом проводница выпрямилась.

– Доставайте проездные документы. Я вернусь и отметку сделаю.

С этими словами проводница развернулась и вышла из ку-

пе, качая бедрами. Мамин очумело смотрел ей вслед. Мысли задать ей вопрос, где этот чертов билет не возникло.

Сюрреализм.

Алексей потянулся к гимнастерке. На ощупь материал был новый, защитного цвета, довольно плотный. Расстегнул левый нагрудный карман. Билета там не оказалось. Зато оказалось удостоверение личности начальствующего состава РККА серого цвета, в левом верхнем углу – красная звезда. По размерам документ походил на удостоверение сотрудника МВД. Открыл. Так, ага! Мамин Алексей Степанович (надо же совпадает), состоит на военной службе в (пустое место) стрелковом полку. Подпись: начальник штаба (неразборчиво) СП майор... Фамилия, написанная от руки, тушью синего цвета, была неразборчива. Фотографии в удостоверении не было. Алексей перевернул страничку. Родился двадцать девятого июля одна тысяча девятьсот одиннадцатого года. В графе «какой местности уроженец» указано Нижегородская губерния уездный город Арзамас. Холост. Состоящее на руках и разрешенное к ношению холодное и огнестрельное оружие, а также почетное революционное оружие – револьвер 7.62 мм (написано было без мягкого знака), № СА-274, система НАГАН, выдано второго июня тысяча девятьсот сорок первого года. На следующем развороте (он же последний) шла подпись владельца удостоверения и дата выдачи двадцатое марта тысяча девятьсот сорок первого года. Дальше правила, действующие в отношении удостоверения

личности лиц начсостава. Их Мамин читать не стал.

Вложив обратно удостоверение, с натугой продавил металлическую пуговицу и открыл второй нагрудный карман, там оказался свернутый вчетверо лист, на котором отпечатано «Проходное свидетельство № 15» и ниже заполнено: «предъявитель сего капитан (пусто) СП Мамин Алексей Степанович, 1901 года рождения, на основании приказа от десятого июня сего года направлен в ЗапОВО Брестский военный гарнизон, к месту назначения обязан прибыть не позднее двадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года, выданы на руки документы: 1. Удостоверение личности начсостава РККА; 2. Аттестаты: продовольственный № 31/пс2298, вещевой № 12/11002, денежный № 11007; требование на проезд по жел. дор. до ст. Брест за № 4-715749. Дальше – должность и подпись какого-то начальника.

Кроме того, в кармане нашлось предписание от главного управления кадров народного комиссариата обороны СССР, продовольственный, вещевой и денежный аттестаты, а также требование, в котором указан маршрут г. Ленинград – г. Брест.

Алексей подал требование проводнице, когда та вернулась. Взглянул на нее и вдруг ощутил чувство неловкости за свой расхристанный вид. Он держал в руках настоящие документы капитана Красной Армии. Это не было шуткой, не было реконструкцией и игрой. Ему стало жизненно необходимым соответствовать если не содержанием, то внешним

видом. А он сидит в галифе и нательном белье, босой. Мамину стало стыдно.

Проводница ушла.

Мысли хаотично забегали, пытаясь вернуть здравомыслие. Так прошло некоторое время, здравомыслие не возвращалось.

Рассветало. Поезд нес Мамина по белорусской земле. За окном купе убегали ромашковые поля, изрезанные тележными колеями, словно морщинами на стареющем лице; на мгновение мелькнув, исчезали болота и запруды с покойной гладью, в которой, как в зеркале, отражались голубое небо и облака; скученные и разрозненные деревья, чуть подгибаясь под невидимой силой, кланялись вслед уходящему поезду, а длинные лапти берез, позванивая многочисленными листьями, посылали привет, будто любимая платком у ворот. Где-то на желто-белых песчаных отмелях рек и озер сонно дремали остовы деревянных лодей, выброшенных на время умелыми рыбацкими руками; кормой они покачивались на водной ряби, а носом неподвижно уткнулись в мшистый песочный берег. Картинки сменялись в окне кадрами диафильма. Недостижимый прошлый век, растиражированный многочисленными военными фильмами, крепко осевший образами героев и бессмертными подвигами теперь был повсюду. Снаружи, растворенный в воздухе и внутри, проникающий с дыханием. Мамин расправил плечи, втянул побольше

воздуха. Каково это, оказаться в другом времени? Он весь ушел в ощущения, пытаясь уловить что-то неуловимое; что-то основательное, что сделало бы все понятным и придало уверенности.

Ничего! Он по-прежнему человек из двадцать первого века, чужой и лишний здесь. Ему стало одиноко и страшно. Там, в двадцать первом веке, тоже не сахар. Там он тоже одинок. Но там есть Маша. А здесь нет даже ее.

Лучи солнца осветили купе. Алексей натянул гимнастерку. С интересом рассмотрел штаны-галифе, это даже немного развлекло его. С детства мечтал о такой форме. Долго прилаживался к кожаным сапогам, растеряв (как выяснилось) навыки намотки портянок. Повозился с португеей, которую Мамин нашел под подушкой. Такой ему носить не приходилось. В годы службы Алексея португеей назывался просто широкий форменный ремень с двумя вертикальными язычками. Здесь же еще присутствовали два ремня-галуна потоньше, которые надевались через плечи с перекрещиванием на спине. Преподаватель по боевой и специальной подготовке подполковник Сытин рассказывал, что название «португепя» офицерский ремень получил от соединения французских слов «носить» и «шпага». Шпаги Алексей не нашел, а ярко-желтая кобура с револьвером была. Он вынул оружие. Вороненая сталь приятно холодило ладонь, по бокам рукоятки были привинчены деревянные накладки.

Купе рассчитано на двоих, но соседа не было. Постель

расправлена. На крюке висит серый мятый пиджак. Сквозь приоткрытую дверь Алексей видел слоняющихся в коридоре людей. Пассажиры поезда словно оделись в костюмерных на киностудии «Мосфильма». Женщины в сарафанах до пят, мужчины в косоворотках и брюках широкого покроя, некоторые были с подтяжками.

Проводница Светлана (как она представилась) вернула проездной билет, и теперь Мамин знал точно, что на дворе 1941 год, месяц июнь, сегодня наступило утро 20 числа, пятница. Он сухопутный капитан Красной Армии, окончил недавно какие-то не совсем понятные курсы связиста и направляется «для дальнейшего прохождения службы» в гарнизон города Бреста. Предписание есть, а номер части не указан. Странно.

Он возвращался в Брест. Туда, куда его в двадцать первом веке отправил Санчес, скрывая от правосудия. В Бресте он провел несколько лет. Занимался каратэ. Получил опыт тренерской работы. Город знает, как свои пять пальцев. Но какой сейчас Брест? Вообще-то большим разрушениям сам город не подвергся в годы войны. Он значительно отстоял от крепости, поэтому ему досталось относительно меньше. Сориентироваться в в городе будет несложно. Но что там делать? В самом деле, искать секретные протоколы? Даже если он их найдет. Дальше что? Как обратно вернуться? Вопросов больше, чем ответом. Санчес, Санчес.

Дверь купе, скользя, ушла в стену, в проеме нарисовалась

фигура мужчины с полотенцем, наброшенным на плечо.

– Доброе утро, товарищ, – бросил мужчина на ходу, втиснувшись в купе.

Он подошел к своему месту, достал с полки чемодан и стал аккуратно укладывать мыльные принадлежности.

– Когда садился в Барановичах, вы крепко спали. Давайте знакомиться. Дмитрий Николаевич Онищенко, корреспондент «Вечерней Москвы». Читали? – сосед выпалил все это скороговоркой и протянул Мамину руку.

– Алексей... Мамин .

– Мамин-Сибиряк не ваш родственник? – сострил сосед и попытался улыбнуться. Тонкие бледные губы конвульсивно дернулись, на щеках обнаружилась вертикальная морщинка, но улыбки не получилось. Получился скорее оскал. Но больше всего Мамина поразили глаза попутчика. Бесцветные, водянистые, колючие. Алексей где-то уже видел этот взгляд.

– Я – перелетная птичка. Фигаро здесь, Фигаро там. Живу в командировках. Вы из Москвы?

– Из Ленинграда.

– А, тогда вы не читали мою статью за одиннадцатое число. Вот взгляните. Я ненадолго выйду.

Корреспондент протянул Алексею газету, ткнул пальцем в статью и вышел.

Газета называлась «Вечерняя Москва». Вверху указано – газета московского городского комитета ВКП (б) и Моссовета. Статья Онищенко – «Военные действия в Сирии». В

левом верхнем углу стояла дата 11 июня 1941 года, среда. Надо же!

Мамин пробежал глазами по статье, одновременно собираясь с мыслями. Черные печатные буквы неуклюже толкались, смысл прочитанного никак не хотел закрепляться в голове. Так, что он знает о прошедшей войне? Или – будущей! О «будущей войне». Это даже звучит странно. Ладно. Знает, вообще-то, немало. Тема Великой Отечественной войны его интересовала с детства. Фильмы, художественная литература, мемуары, песни, стихи, музеи, памятные даты, реконструкции. Война интересовала его во всех видах. Но сейчас важнее вспомнить, что он знает о Брестской крепости. Да, живя в Бресте, он много раз бывал там. Но одно дело – среди героических развалин и по музеям, другое дело – двадцатое июня сорок первого года. Как стало ясно из проездных документов, это дата на сегодня.

Когда-то попалась Алексею книга воспоминаний Л. М. Сандалова "Пережитое" (в июне 1941 года – полковник, начальник штаба 4-ой армии). Его армия как раз дислоцировалась в районе Бреста. Помнится, Сандалов писал, что осмотр крепости оставил не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае вторжения создавали мышеловку.

Эх, знать бы раньше, что окажусь здесь. Наизусть бы выучил. Соломки, так сказать, подстелил.

По плану оборону самой крепости должен организовать один стрелковый батальон с артдивизионом. Остальной гарнизон должен был покинуть крепость и занять позиции вдоль границы в полосе армии. Этого не произойдет, потому что пропускная способность крепостных ворот слишком мала.

Сандалов указывал, сколько времени необходимо для выведения войск из крепости. Сколько же там? Черт возьми, не помню! Ладно, едем дальше.

Что еще мы знаем? Вроде бы были предложения о немедленном выводе из крепости 42-й стрелковой дивизии. Отказали. Начальник отдела политпропаганды шестой стрелковой дивизии полковой комиссар Пименов просил разрешить дивизии занять оборонительные позиции, а семьям начсостава отправиться из Бреста на Восток. Заклеймили как паникера.

Лема, Лема! Не забывай, в какое время ты попал. За языком следить нужно! Иначе, не видать тебе Маши, как своих ушей. Ага, можно подумать у меня есть шансы ее увидеть. Я даже не знаю, как выбираться отсюда. Санчес, я же отказался от участия!?! Почему я здесь?! Не загоняйся, Лема. Что еще знаю?

Планировалось пробить в стенах крепости запасные выходы. Идея провалилась. Работа оказалась слишком сложна и трудоемка. Проблема была не только в том, чтобы пробить толстые крепостные стены. Запасные выходы из крепости

потребовали постройки новых мостов через каналы и крепостные рвы, наполненные водой. Такая работа по силам саперному батальону, а снять батальон со строительства укрепрайона никто бы не разрешил. Если сегодня 20 июня, то значит уже неделю идет переброска войск внутренних округов к западной границе СССР, потому что 14 июня 1941 г. вышел Приказ народного комиссариата обороны о дополнительном направлении в Красную Армию пятиста тысяч резервистов.

Ситуацию кардинально это изменить уже не могло. На полное развертывание даже первого эшелона, укомплектование дивизий по штатам военного времени требовалось более двух недель. Не успевали.

Самым подготовленным и решительным оказался адмирал Н. Г. Кузнецов, тогдашний Нарком Военно-Морского флота СССР. Он первым добился к 18 июня перевода флота на боевую готовность. По ночам осуществляли светомаскировки кораблей и крейсеров, отменили отпуска и увольнения. Выходили на боевое дежурство. Вот его начало войны не застало врасплох.

Напряженная работа памяти утомила Мамина. Он отбросил на время эти мысли. Расслабившись, откинулся на спинку дивана.

– Маша, где ты?

20 июня 1941 года, деревня Пугачево.

Летние рассветы в Пугачево всегда сопровождались туманами. Вот и сейчас этот белесый хозяин бесшумно плыл над речкой, навалившись одутловатым телом на водную рябь и, продолжая невесомо двигаться, медленно-медленно поедал бережок, покрытый песком и травой, намереваясь добраться до деревянных построек деревни.

Пугачёвцы между собой делили деревню на две половины: Пискуры – название, полученное от песчаной территории, и Кончаны, что значит конец. К слову, черта, разделявшая половины, не раз становилась местом выяснения отношений между жителями, чаще – среди молодёжи.

Приумножили территорию Пугачёво примкнувшие на рубеже XIX – XX веков три имения, хутор и усадьбы, входившие тогда с 811 жителями в состав Каменицо-Жировицкой волости Брестского уезда.

Каждое утро в деревне начиналось почти с рассветом, поскольку до начала трудового дня нужно было управиться с делами по хозяйству: покормить домашний скот, птицу, подоить корову. Корова была кормилицей в любой семье деревни Пугачево. Таковой она были и в семье Славки Кухарчик, который сегодня проснулся рано по случаю важного события.

В семье Кухарчик обычно утром готовили в печи пищу на весь день. Так было принято. Завтраком чаще всего были омлет, пшеничные блины или оладьи, драники, варёная картошка. К ним обычно мать подавала жареное сало с луком,

сметану, молоко, солёные огурцы или квашеную капусту. На обед и ужин в печь ставила чугунок с гречневой, пшеничной и другой кашей, тыквой, свёклой. Помещала она туда и молоко, а образовавшаяся на нём плёнка была любимым лакомством Славки. Десертом, как правило, служили сухофрукты. Распаренные в печи, они заменяли сладости. Правда, полакомиться ими не всякий мог. Славка мог. Кухарчики были зажиточные крестьяне.

Особое значение в семье придавали хлебу. Для его выпекания мать готовила закваску, затем замешивала тесто, которое выкладывала на капустные листья, и выпекала в выгоревшей печи. Хлеб обычно выпекали на несколько дней, а то и на неделю. Его бережно хранили: укутывали льняным полотном, чтобы не зачерствел, и помещали в деревянную ёмкость.

Обычный летний день пугачевцев, такой как и сегодня, состоял из рутины: работы в поле, заготовки дров... В то же время успевали собирать ягоды, грибы, ловили рыбу, ткали, пряли, шили, строили. Чтобы заработать денег, нанимались и работали в городе.

Дом Кухарчиков был двухкомнатным. Одна комната служила спальней, а вторая кухней, большую часть которой занимала печь. Мать старалась обустроить дом. На пол клала тканые половики, на окна вешала занавески из марли или ситца, на иконы – рушники, ткаными покрывалами застилала постель, снизу к ним прикрепляла вязаные кружева. На

стенах у Кухарчиков висели вышитые картины и фотографии родных.

Славка проснулся рано. Сегодня день был особенный. Из Минска приедет Лиза на летние каникулы. Елизавета – это сестра. Она учится в каком-то там Университете (точного названия Славка не запомнил) и не была дома уже месяцев шесть. Он помнил, как раньше Лиза обожала линьков, жаренных до скрипучей корки. И сегодня «кровь из носу» он поставил себе задачу добыть их.

Все необходимое приготовлено заранее. Еще с вечера удочки, сачок, наживка стояли в сенях. Спать Славка улегся на лавке у печи, чтобы рано утром не разбудить отца и мать.

Проснувшись, тихонько, на цыпочках он пробрался в сени, и, прихватив все, что нужно, шмыгнул в утренние сумерки.

Дорога к речке лежала через Мамин луг, где местные жители выпасали домашний скот. Здесь мальчишки часто катались на лошадях. Почему луг назывался именно так, Славка не знал, но название ему нравилось.

Луг тянулся вдоль березовой рощи, за которой шел ивняк, спускающийся к самой воде. Деревья стояли в дымной пелене, словно по пояс в снегу. Редкий ветерок колыхал ветки и листья. Славка весь был поглощен мыслями о предстоящей встрече, предвкушал удивление и радость сестры, ожидал, конечно, гостинцев. Он не сразу сообразил, когда его окликнули:

– Эй, хлопчык! – голос грубоватый и холодный.

Славка повернулся и увидел стоящих на дороге трех мужчин в красноармейской форме.

– Поди сюда!

Славка подошел, с любопытством рассматривая новенькие скрипучие хромовые сапоги на одном из военных. Их обладатель его и подозвал. Сразу было понятно: командир, его форма отличалась выглаженностью и ромбиками в петлицах, да и интонация, не терпящая пререканий, говорила о том же.

– Как твоя фамилия? – спросил хозяин сапогов немного приветливее. Это был высокий, худой, костлявый дядька.

– Кухарчик Слава.

– Ты из Пугачево, так ведь?

– Так.

– Кухарчик, Кухарчик, – будто что-то вспоминая, проговорил странный командир, – Так это же... твоего отца не Астапом зовут?

– Так, батька Астап.

– Отец где?

– На хате.

– Так ты на окраине живешь?

– Так. Вон, на узлеску – Славка показал пальцем на деревянный дом, с крашенным штакетом и покосившимся крыльцом, перейдя на белорусский от страха.

Задающий вопросы дядька Славке не нравился. Что-то от-

пугивало. Может быть, холодные светло-голубые глаза и ... улыбка, странная, леденящая улыбка.

– На, держи, хлопчык, – протянул что-то в руке костлявый.

Славку охватывало неудержимое желание бежать. Бежать куда глаза глядят, все равно куда, только подальше от этого места. Но тут же вспомнил. Он ведь поставил себе цель: стать настоящим мужчиной. А настоящие мужчины не бегут от опасности. Так ему говорил отец. Астап Матвеич воевал еще с немцами в какой-то далекой войне и имел медаль, такую полосатую с крестиком. Называл он ее – георгиевский крест. Она всегда хранилась обернутая в носовой платок в кармане у самого сердца. «Когда страшно, иди навстречу страхам. Больно – терпи. Бьют – давай сдачи, сопротивляйся». Эти наказы сидели в голове Славки и сейчас не позволяли ему струсить.

Незнакомец в гимнастерке подал мальчишке конфету и подмигнул. Славка взял ее и пошел к речке.

– Шустрый мальчик, не правда ли, Гюнтер? Может быть, его следовало ликвидировать? – сказал долговязый на немецком.

– Мы их всех к осени ликвидируем. Спешить некуда... – ответил Гюнтер.

– Немецкая речь, – подумал Славка, но оборачиваться не стал.

20 июня 1941 года, поезд.

Сосед-корреспондент вернулся не один. Из-за спины выглядывала девушка. Алексей не мог разобрать ее лица, вагон покачивало и вместе с ним лицо девушки то появлялось над плечом корреспондента, то исчезало.

– Вот. Хочу вас познакомить. Елизавета.

Онищенко отстранился, представляя девушку.

Алексей смотрел на девушку. Она смотрела на него. Ее нельзя было назвать красивой. Обычная девушка, на первый взгляд. Черные, как смоль, прямые волосы на резинке спадали до лопаток. Большие карие глаза, с умным взглядом скорее делали ее менее привлекательной. Умные женщины не в чести у поклонников. Тонко очерченные губы и маленькие белоснежные зубки завершали образ. Одета я легкий белый сарафан с отороченной юбкой, в туфельках на широких, не высоких каблукках Лиза была прелестна, но не это озадачило Алексея.

Ему казалось, что Лиза кого-то напоминает. Что-то неуловимо знакомое было во взгляде, движениях.

Мамин встал.

– Здравствуйте, меня зовут Алексей. Алексей Мамин.

– Лиза, – девушка протянула правую руку и твердо сжала ладонь Алексея.

– Алексей, голубчик, у меня к вам просьба – чрезмерно сладко произнес Онищенко. – Я справился у проводницы. Вы будете сходить в Бресте. Елизавета – тоже. Подсобите ей

в сторону Пугачева уехать.

– Да, конечно – ответил Мамин, хотя не представлял, как он может помочь.

– Наверняка за вами пришлют автомашину – продолжал Онищенко. – Этой милой девушке нужно попасть, как и вам в гарнизон. Кто у вас там?

– Папа. Моей подруги, – Гавриловой Насти. Мы вместе учимся. У него день рождения тридцатого июня, подарочек передать нужно – Лиза оказалась обладателем прекрасного голоса.

– Вы, Алексей, должны ее взять с собой – уверенно сообщил Онищенко.

– Лиза, ничего обещать не могу. Каким образом будет организована встреча, и будет ли вообще, не знаю. Но попробую вам помочь, – ответил Мамин.

– Хорошо, я подойду к вам на перроне, – Лиза легко развернулась на каблучках и выпорхнула из купе.

– Так, а я пока вещички приготовлю. Не люблю, знаете, в спешке собираться – сосед повернулся спиной и начал убирать постель.

– Как вам статья? – не оборачиваясь, спросил корреспондент.

Мамин содержание статьи не помнил и потому с легкостью сменил разговор на интересующую его тему.

– А вам не кажется, что сейчас острее другая тема? – спросил Алексей.

– Какая же, позвольте поинтересоваться?

Мамин хотел завести речь о приближающейся войне. Но не мог решить, с чего начать. Как бы, не выдать себя?!

– Я про отношения СССР и Германии, – выдавил Алексей.

– А что не так в отношениях Германии и Советского союза?

– Ощущается напряжение. Немецкие дивизии стоят у западной границы.

Сосед повернулся и сел.

– В этом нет ничего странного. Германия находится в состоянии войны с Великобританией, поэтому хочет обезопасить свои восточные пределы. Да, конечно, между Советским союзом и Германией существует договор о мире и согласии, но, как говорится, береженого Бог бережет. Несколько дивизий для укрепления союза не помешает – улыбнулся корреспондент, вернее попытался улыбнуться, как и в первый раз, вышло ущербно.

– Почти сто дивизий? Это несколько? – воскликнул Мамин.

– Алексей, с чего вы взяли, что на границе сто дивизий вермахта?

Удар был в лоб. Мамин на мгновение растерялся.

– Знаю и все, – нашелся ответить Алексей.

Корреспондент с интересом смотрел на Мамина, потом перевел взгляд на капитанские петлицы и, понимая, кивнул.

– Ну да, ну да. Это понятно, секретная информация. А что вы думаете о полете Гесса? – вдруг спросил Онищенко.

Десятого мая 1941 года Рудольф Гесс, третий человек Рейха, перелетел Ла-Манш и, выпрыгнув из Мессершмидта-110, спустился на парашюте где-то в Шотландии. Там, оказавшись у какого-то фермера, сначала представился летчиком, а потом в контрразведке признался, что он Гесс и попросил встречи с Черчиллем. Официально премьер-министр отказался встречаться с фашистским лидером, но кто даст гарантии, что они не встретились тайно.

– Думаю, что немцы хотят сговориться с англичанами, – Мамин не знал, о чем можно говорить, о чем не стоит, поэтому решил действовать по ситуации. Совсем отмалчиваться тоже подозрительно. – Вы же знаете, что двенадцатого июня британские газеты вышли под сенсационными заголовками "Гесс в Великобритании и предлагает мир".

– Бросьте, Алексей. Гитлер назвал Гесса сумасшедшим. У Германии нет оснований заключать мир с Великобританией. Зачем? Чтобы напасть на СССР? Это же безумие! – воскликнул корреспондент.

Гесс был самым преданным соратником Гитлера. Сомнительно, чтобы он совершил такой беспрецедентный поступок без согласия фюрера. Велись переговоры через Гесса или нет так и осталось тайной. После Нюрнбергского процесса Гесс отбывал пожизненное заключение в тюрьме Шпандау. Материалы уголовного дела Гесса были засекречены до 2017 го-

да, а в 2017 году продлены еще на пятьдесят лет. Он содержался в одиночной камере сорок шесть лет. В 1987 году в период расцвета гласности и перестройки Горбачев сделал заявление, мол, а не пора ли нам освободить Гесса, мол, мы не против. Сын Гесса в мемуарах написал, что, получив эту новость, отец позвонил ему и произнес: «Теперь англичане меня убьют». Через некоторое время Гесса, который к этому времени и побриться самостоятельно не мог, нашли повешенным на кабеле электроудлинителя, закрепленного на оконной ручке. Тайну своего перелета Гесс унес с собой.

Этого Мамин рассказать не решился, как не решился рассказать, что того же двенадцатого июня в адрес командующих войсковыми группировками вермахта, сосредоточенными на границе с СССР, ушла шифротелеграмма, в которой доводилось содержание распоряжения главнокомандующего сухопутными войсками Германии от десятого июня, в котором назначен срок начала наступления на 22 июня. Вторжение должно было начаться по сигналу «Дортмунд». Шифротелеграмма перехватывается и расшифровывается английской службой радиоперехвата, и через некоторое время информация поступает к Сталину. В тот же день, двенадцатого июня, еще до получения расшифровки, Сталин разрешил дополнительное выдвижение значительного числа соединений ближе к государственной границе.

Тринадцатого июня Британское правительство официально подтвердило факт пребывания Гесса на террито-

рии Великобритании. Но вопрос о возможности подписания мирного соглашения с Германией комментировать отказалось. В этот же день разведка погранвойск СССР зафиксировала начало выдвижения германских войск на исходные для наступления позиции, но к концу дня выдвижение войск было приостановлено.

– Да, это безумие. Но ведь Гитлер этого не знает. Это во-первых. Во-вторых, политическая система Великобритании не отличается целостностью. Королевская семья, включая герцога Виндзорского, на секундочку короля Великобритании, отказавшегося от титула в пользу женитьбы на простой американке, выступают за мир с Германией. МИ-6 также склоняется к этому. Против мира с Гитлером выступают только премьер-министр Уинстон Черчилль и созданная им группа по секретным операциям, противовес МИ-6. Так что, думаю, Гесс по приказу Гитлера пытается договориться с английским истеблишментом, чтобы окончательно развязать руки фюреру на востоке. Другое дело, в чьих руках сейчас Гесс. В руках прокоролевских агентов или прочерчиллевских.

– Как интересно – произнес корреспондент.

На самом деле, переговоры вели люди Черчилля. И это смешало карты Гитлеру, который действительно стоял в шаге от перемирия с Англией. Сложность заключалась в том, что Гитлеру не нужен был официальный документ перемирия, требовалось тайное, джентельменское соглашение. По-

этому, как только Гесс растворился тумане, английской политики, Гитлер объявил Гесса сумасшедшим. Признание попытки переговоров означало подготовку к скорой войне с СССР. Этого Гитлер допустить не мог.

Девятого июня к переговорам подключился лорд-канцлер Великобритании Саймон Стекпол-Элидорский, профашистски настроенный бывший министр иностранных дел. Десятого июня об этом узнает Сталин. Его реакция не сразу была понята. Тринадцатого июня по вызову на кунцевскую дачу к Сталину приехал Хавинсон, руководитель Телеграфного Агенства Советского Союза. Иосиф Виссарионович продиктовал текст и потом спросил: "Вы понимаете, товарищ Хавинсон, зачем нам нужно такое Заявление?". Получив ответ: нет, не знаю, Сталин сказал: "Давайте скажем Гитлеру: подумай еще раз, прежде чем начинать!".

Заявление передали германскому послу в Москве. Затем, в 18-00 по московскому времени текст Сообщения ТАСС был озвучен и передан в открытый эфир московским радио. На следующий день четырнадцатого июня за номером 163 вышла газета «Правда», в которой была статья «Сообщение ТАСС».

Заявлением Сталин провоцировал Гитлера на ответ по поводу накопления немецких войск у границы с СССР. А также доводил до "мировой общественности", что слухи, исходящие от англичан о скором нападении Гитлера на СССР не более чем слухи и провокации, направленные на "разжи-

гание мировой войны" и войны между СССР и Германией. И то, что ни Сталин, ни Гитлер "не намерены нарушать" действующих Договоров "О ненападении" и "О дружбе и границах".

Согласно международного "этикета" Гитлер обязан был также рассыпаться в любезностях перед Сталиным и заверить, что никаких коварных планов в отношении СССР не строит и нападать вовсе не собирается. Однако Гитлер ушел в глухое молчание, официального ответа от немецкой стороны не последовало.

И только в дневнике рейхсминистра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса через день появилась запись: "... Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя все возможные поводы для обвинения в развязывании войны...".

А накапливание немецких войск после на границе с СССР все продолжалось и продолжалось... Ни мира, ни войны...

– Полагаете, Гитлер нападет на СССР? – спросил Онищенко.

– Да, – не задумываясь, ответил Мамин.

– Когда же?

– Не знаю – после недолгого молчания ответил Мамин.

– Но вы утверждаете, что нападение для Гитлера – это чистой воды безумие?

– Так и есть.

– Почему, позвольте узнать?

– Семнадцатого апреля этого года Конгресс США принял решение о том, что они поддержат в будущей войне ту сторону, на которую произойдет нападение. Гитлер стянул к границе почти четыре миллиона человек, обратно ему уже не откатиться. Советский Союз делает все, чтобы избежать провокации. Собственно, победит тот, кто станет жертвой. Потому что в этом случае получит поддержку США, Англии и т.д.

– Странный вы капитан, Алексей – Онищенко с нескрываемым интересом смотрел на Мамина.

А Мамина уже было не остановить.

– Тем более, что у Гитлера есть полная уверенность в успехе после доклада Канариса.

– Кого? – глаза Онищенко округлились.

– Адмирала Канариса, руководителя Абвера.

– А вы знаете, что докладывает Гитлеру руководитель Абвера?

– Нет. Я знаю только этот доклад, о котором говорю. Адмирал ввел в заблуждение фюрера и это приведет к катастрофе – Мамин вошел в раж и наслаждался моментом. Самому себе он сейчас казался гуру.

– И что же было в этом докладе? – спросил Онищенко.

– Товарищ командир, Брест – в проеме двери появилась фигура проводницы.

Пассажиры одновременно повернули головы.

– Приехали, как-нибудь в следующий раз договорим – отрезал Мамин и прочитал на лице корреспондента досаду.

Сообщение НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР
№ 1798/6 2 июня 1941 г.

Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашова и Лежайска сосредотачиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в м. Улянув (85 км юго-западнее Люблина) и штаб армии в фольварке Усьмеж (45 км юго-западнее Владимира-Волынского), командующим которой является генерал Рейхенау (требует уточнения).

25 мая из Варшавы в направлении Люблин – Холм и Люблин – Замостье Грубешов отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто бомбардировщиков.

25 апреля из Болгарии в Восточную Пруссию прибыла 35-я пехотная дивизия.

В мае отмечено инспектирование частей германских

войск в Восточной Пруссии и на территории Генерал-губернаторства и рекогносцировка в пограничной полосе высшими чинами германской армии.

5–7 мая Гитлер в сопровождении Геринга и Редера присутствовал на маневрах германского флота в Балтийском море, в районе Готтенгафен (Гдыня). В средних числах мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и с 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии.

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау – в районе м. Ульгувек (27 км восточнее Томашова и 9 км от линии границы), 18 мая генерал с группой офицеров – в районе Белжец (7 км юго-западнее Томашова, вблизи границы) и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов.

Продолжаются работы по устройству оборонительных сооружений вблизи границы, главным образом в ночное время.

Отпуска военнослужащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР в районы Воловец (Венгрия) и Сучава – Ботошаны

(Румыния).

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар.

20 июня 1941 года, Брест.

Поезд прибывал на станцию Брест. Онищенко уложил свои вещи в картонный чемодан, обитый жестяными скобами.

– Очень жаль, что не удалось договорить. Признаюсь, вы интересный и странный человек. Если бы не вы не были командиром Красной армии, я бы сказал, что вы не тот, за кого себя выдаете, – сказал Онищенко.

Мамин промолчал. В это время не знал, чем себя занять. На полке оставался еще один чемодан, но не было уверенности, что он принадлежит капитану. Алексей понимал, что и так уже наговорил лишнего. Прокол с чемоданом станет катастрофой. Оставалось только ждать, когда уйдет Онищенко.

Алексей посмотрел в окно. Вокзал Бреста представлял собой небольшое двухэтажное кирпичное здание скучного серого цвета. На навесном перроне стояла суета. Тележки, чемоданы, мешки, домашний скарб, разночинный народ от гражданских до военных, шляпы, кепки, женские платки, платья, пиджаки, детские сандалии – все это двигалось, смешивалось, то появляясь, то растворяясь в толпе. Через за-

крытое окно купе слышался человечески гул, заполнявший привокзальную площадку. Вдоль вагонов сновали железнодорожники. Звучали стуки, скрипы, множество неизвестно откуда возникавших звуков, свойственных вокзальной жизни.

Мамин увлекся картиной перронной сутолоки.

– Здравия желаю, товарищ капитан! Ефрейтор Стебунцов прибыл для сопровождения! – отчеканил чей-то звонкий голос за спиной.

Алексей вздрогнул и повернулся.

– Со мной полуторка! – добавил чуть погодя тот же голос, но уже не так уверенно.

В проеме двери купе стоял молодцеватый, худой как щепка парень и широко улыбался. Лицо ефрейтора было открытым и располагало.

– Здравия желаю. Вы точно за мной? – ответил Мамин.

– Да, я Вас с 4 утра дожидаясь. Со мной полуторка, – вновь уточнил ефрейтор. – Можем ехать. Где ваши вещи?

– Тык...

Мамин замялся. Сосед сидел на полосатом диване и смотрел на Алексея, посмеиваясь. Его вещи стояли тут же, на полу, и лишь единственный чемодан продолжал лежать над дверью. Вариантов не оставалось. Значит чемодан принадлежит капитану. То есть ему – Мамину Алексею Степановичу. Он хотел потянуться и достать его, но шустрый ефрейтор опередил и, схватив чемодан, с не покидающей лицо улыбкой,

всем своим видом показал, что готов к выходу.

– Жаркое время вы выбрали для перевода на границу, – вдруг заметил Онищенко.

– Да граница во все времена была горячим местом, – заметил Мамин.

Ему не нравился корреспондент. Что-то в нем было непривлекательное. Что-то что внушало если не ужас, то тревогу. Хотелось побыстрее отделаться от этого «нехорошего» соседа. Поэтому Мамин двинулся к выходу.

– Не забудьте про девушку, – сказал корреспондент.

Мамин кивнул и, не подавая руки, вышел из купе.

– Еще увидимся, капитан, – в спину прозвучал голос соседа.

На перроне Алексей остановил Стебунцова.

– Ефрейтор, мы девушку до гарнизона можем довести?

– Девушку? – удивился Стебунцов.

Мамин в двух словах объяснил ситуацию. В это время к ним подошла Лиза. Ефрейтор не знал, будет ли нарушением подвезти гражданскую, но сообщил, что сейчас по всему гарнизону усиление, поэтому решение, то есть ответственность Мамин берет на себя как командир.

К машине отправились втроем, ефрейтор взял и чемодан Лизы. По пути, Мамин с интересом изучал окружающую обстановку и думал. Два дня. Всего два дня. Либо он находит документы, и тогда каким-то образом возвращается домой. Мамин был уверен, что при выполнении задачи долж-

на появиться возможность вернуться. Каким образом сейчас неважно. Но всего два дня! Он даже не знает, где их искать. Собственно, вариантов три, если задуматься. Договор подписывался в Белом дворце. Он на территории Брестской крепости. Это первый. Документы могут храниться в здании НКВД. Это логично. И это номер два. Наконец, есть еще здание обкома. Статьи номер шесть о руководящей роли партии еще конечно нет, она появится только в брежневской Конституции, но это де-юре. А де-факто партия давно занимает руководящую роль. Поэтому документы могут там храниться. Это третий. Что ж, отчаиваться не стоит. Нужно только успеть за два дня. Если нет, то... Об этом думать не хотелось. Через два дня здесь будет ад! Может он что-то существенно изменить? Конечно нет! Санчес об этом же и говорил. То, что должно случиться, то и случится. Даже если оказаться в теле самого Сталина, а не капитана, ничего изменить уже нельзя. Война еще не началась, а колесо смерти уже вращается на всех оборотах. Ни мира, ни войны!

Они прошли через главный вестибюль вокзала. Лиза со Стебунцовым шли впереди и что-то весело обсуждали. Казалось, они забыли про Мамина. Он шел позади. Вокруг привычная глазу советского человека обстановка вокзала. Плиточный пол, несущие колонны, деревянные скамейки со спинками, кассы, привокзальное кафе, откуда на весь зал распространялся запах пирожков и еще чего-то съестного. Даже суета была вполне обычной. Стоял людской гал-

деж, где-то плакал ребенок, слышались беспокойные голоса мамаш, самоуверенный бас мужчин. Вокзал был наполнен людьми в форме. Мамин, извлекая из глубин памяти информацию, смог определить пограничников, летчиков, связистов. Эти три группы «кучковались» отдельно друг от друга, компактно кружком. Были еще разрозненные группки по два три человека с красными и зелеными петлицами. Меж сидящих и галдящих людей прохаживались два милиционера.

Вышли из здания вокзала. Солнце уже стояло высоко. Вот так же он шел по Вознесенскому проспекту с Машей. Светило солнце, вокруг хаотичное движение. Машины, люди. А он держал ее за руку. И весь мир не существовал. Вернее, он существовал, но только в границах пространства их тел. Маша что-то звонко рассказывала. Он не очень внимательно ее слушал, подставляя лицо греющему солнцу. Он наслаждался этой минутой. Это было счастье! Почему нельзя превращать мгновения счастья, например, в духи. Достал, когда необходимо. Брызнул – и ты счастлив! Мамину захотелось, чтобы сейчас в кобуре, висящей справа, оказался флакон с такими духами. Он даже машинально хлопнул себя по правому бедру. И его обдало холодом.

Нет! Кобура с наганом были на месте. Плотная гимнастерка, брюки-галифе, ремни. Все на месте. В том-то и дело. В вихре размышлений, планировании и мечтах он позабыл об одном обстоятельстве.

Обнаружение документов, разумеется, было важной задачей. Но что он собирается делать по прибытии в гарнизон?! Он не Поярков! Не то, что не действующий офицер, а даже в армии не служил. За плечами четыре года института. Военно-зировавшего конечно, но... Как долго он сможет делать вид, что человек этого времени, что обладает знаниями и подготовкой, соответствующей командиру Красной Армии. Ответы выходили неутешительные. Не так уж и долго получится дурака валять. Не более суток, может быть. При первом же соприкосновении с личным составом станет понятно, что он ни в зуб ногой с уставом и правилами. Эх, Санчес, Санчес. Где ты?!

20 июня 1941 года, немецкая сторона в районе Коденя.

Сквозь узкое клеенчатое окошко санитарной палатки пробивалось солнце. Постепенно, небесное светило набирало силу, двигалось вдоль горизонта, и лучи перемещались по убранству палатки. Вот они упали на белый рифленый стол, покрытый белой материей, вот луч коснулся брезентового квадрата 0.5 на 0.5 м. с пришитыми матерчатыми отделами. В этих отделах заиграли переливами света медицинские инструменты: зажимы, скальпели, молоточки. Ненадолго задержавшись, луч продолжил путь и опустился на лицо мужчины средних лет, с коротко стриженными светлыми волосами. Голова мужчины лежала на подушке, а сам он растянулся на кушетке. Мужчина был укрыт до прозрачности бе-

лым покрывалом. Сквозь материю угадывался овальный жетон, лежавший на груди.

Около палатки с грохотом проехала гужевая повозка и возница что-то громко крикнул. От этого звука мужчина проснулся. Он приоткрыл глаза, огляделся.

В несколько мгновений он рассмотрел и палатку, и инструменты, ощупал кушетку. Сомнений не было, он в санитарной палатке. Пахло йодом, хлоркой и еще какими-то лекарствами. Голова ужасно болела.

– Как себя чувствуешь, Клю?

Мужчина повернул голову и увидел стоящего у его ног человека в пятнистом маскировочном халате, который был накинут на военный френч серо-зеленого цвета. Погоны под халатом не были видны, но френч был армии вермахта. Говорил человек на немецком.

– Ну, и напугал ты нас, Клюзенер. Какого дьявола ты полез на это гребаное дерево? У нас достаточно бойцов, специально обученных для наблюдения.

Того, кого называли Клюзенером, молча пожал плечами.

– Клю, друг мой, не молчи. Ответь мне что-нибудь. Я тут битый час торчу. Ты хоть помнишь, что случилось?

Мужчина отрицательно мотнул головой.

– Тааак, – протянул гость. – И это в канун наступления. Плохи мои дела, дружище. Без твоей спецгруппы я не хотел бы столкнуться с этими дикими варварами.

Клюзенер не отреагировал, но по его лицу было понятно,

что он мучительно соображал.

– Погоди-ка! – вдруг спохватился парень в маскхалате. – А меня-то ты помнишь?

Лежащий неопределенно кивнул.

– Друга своего, Рева, тоже не помнишь? Ты, в самом деле, пугаешь меня.

– Да, я помню тебя, Рев. Просто голова раскалывается, – вымолвил, наконец, болезный на чистом немецком.

– Ну, вот. Уже кое-что. Ключ, братец, я знаю как тебе помочь, – прищурился Рев.

– Ооооп! – в ладони возник пакетик с белым порошком.

– Что это?

– Это то, что поднимет тебя на ноги. Чистейший продукт.

– Наркотик? Нет. Убери это! – резко сказал Ключ и сбросил с себя покрывало.

– Не узнаю тебя, Ключ. Когда ты отказывался от кокаина?

– Помоги лучше встать, – пробормотал Ключ. В голове сильно шумело и тошнило.

– Ревершон фон Бох к вашим услугам господин лейтенант! – весело прокричал Рев.

Ревершон помог другу встать, и они вместе направились к фельдшеру. По дороге фон Бох рассказал своему другу лейтенанту Рудольфу Ключенеру о том, как тот вчера вечером, перепроверя донесения разведки, решил лично осмотреть береговую линию русских в полосе наступления их роты. Влез он высоко, метров на шесть. Но там ветка предатель-

ски подломилась и он упал. Упал и потерял сознание. На месте, как ни бился ротный санитар, в чувство его привести не смогли. Поэтому бойцы спецгруппы «Берта» срочно доставили командира в санчасть. Где он и пролежал без сознания до самого утра. Из рассказа Рева, Ключенер, который ни черта не помнил, узнал, что он состоит в роте батальона «Бранденбург 800», что возглавляет спецгруппу «Берта», которая занимается диверсионными и противодиверсионными операциями и подчиняется напрямую какому-то спецу из Абвера. Завтра утром они должны захватить мост через Буг, и, что командир роты, лейтенант Шадер, придумал ловкую операцию, о которой он Руди пока не расскажет, поскольку выполнение поручено его группе.

В палатке у фельдшера лейтенант Ключенер повторил слово в слово, услышанное от фон Боха, назвал сегодняшнее число двадцатое июня тысяча девятьсот сорок первого года, свое звание фамилию и имя. Только после такого форменного допроса врач разрешил Ключенеру вернуться в расположение своей роты.

На самом деле, лейтенант по-прежнему терялся в догадках. Да, теперь он знает, как его зовут. Но имя это никак не отзывалось в его сердце, будто было чужим. Дату он тоже не вспомнил, а подглядел на настольном календаре у фельдшера. Дата, откровенно говоря, смутила лейтенанта, но он не подал вида. Была еще одна загадка, напрочь перечеркивающая действительность. Но о ней лейтенант не признался бы

сейчас даже под пытками.

Придя в часть, Ключенер, сославшись на головную боль, попросил список личного состава своей группы, чем немало удивил дежурного ефрейтора. Получив список, построил группу, она состояла из 10 человек и произвел поверку. Ключенер зачитывал имя и фамилию каждого бойца и после каждого ответа «я», внимательно, не торопясь всматривался в человека, будто стараясь запомнить. Странное поведение командира не прошло незамеченным, но «бранденбуржцы» списали это на полученную утром травму.

Весь день Ревершон не отходил от друга, помогая восстановить память и подготовиться к выходу на позиции. Маршрут движения был подробно изложен на штабной карте. И, хотя, Ключенер не смог вспомнить, где лежала карта, но, когда ее принесли, Рев убедился, что картографическую науку Клю помнил и легко ориентировался.

Руди друга от себя не гнал, несмотря на то, что помощь Ревершона стала навязчивой. Клю посчитал, что это будет подозрительным, если он откажется от услужливости товарища. Тем не менее, он успел поймать несколько раз прищуренный взгляд Рева, что выдавало в последнем недоверие.

– Завидую я тебе, Клю, – мечтательно сказал Рев, повалясь на деревянную скамейку в кузове бронетранспортера.

– Чего так?

– Через пару дней вернешься под прямое командование Абвера. Будешь заниматься элитными направлениями.

Большими делами. А я так и останусь пехотинцем.

– На войне Рев не бывает больших или малых дел. На войне каждый должен оказаться на своем месте, когда нужно. Только так выигрываются войны. Важен каждый участок! Каждое направление! Каждый солдат!

– Слушай, Клю, а ты видел когда-нибудь этого доктора? – спросил Рев.

Доктор! Доктор! Клюзенер знал, о ком говорит Рев. До сье этого субъекта он изучил вдоль и поперек. Но получалось, что о Вильгельме Улерихе Кранце, известном больше по прозвищу «доктор», Рудольф знал много. И не знал ничего.

Выходило, что это одна из самых таинственных фигур немецкой разведки. К 30 годам его жизни уже существовало немало легенд о нем. Одна страшнее другой. Одни называли его ярым нацистом, другие считали его непримиримым противником нацизма, третьи полагали, что он имеет свою собственную философию жизни, но точно не было понятно какую именно. В действительности, вероятно, ошибались и первые, и вторые, и третьи. Фигура Кранца была гораздо сложнее, его жизненный путь извилист, а ходы загадочны и не всегда однозначны.

Свою военную карьеру Вильгельм начал в 1908 году, поступив в кадетскую школу императорского флота в Киле. После двух лет обучения он получил назначение на крейсер "Шарнхорст", где через год стал адъютантом команди-

ра корабля. Это в семнадцать-то лет. Смышленный был парень, нечего сказать. Первое плавание Кранц провел в водах Атлантического океана, где "Шарнхорст" в основном занимался защитой торговых судов Германии. Именно тогда началось становление Кранца-разведчика. Об его успехах на этом поприще говорит факт награждения его железным крестом 3 степени. Там же Вильгельм познакомился с лейтенантом Канарисом, тоже проходившим службу на крейсере. Особой дружбы они не завели, но остались знакомцами.

Вернувшись в Германию, Кранц получил назначение на крейсер "Фюрст Бисмарк", который в 1912 году отправился к берегам Латинской Америки. Там его и застала первая мировая война, и "Фюрст Бисмарк" под командованием Рейнхарда Шеера вошел в состав так называемого Hochseeflotte, флота открытого моря. Вместе с ним крейсер участвовал в сражении при Коронеле, где немцы победили англичан. По ходу службы Кранц и Шеер сблизились. Первого впечатляло мужество и личная храбрость капитана, второго верность и острый аналитический ум молодого человека. Боевые офицеры стали друзьями. Однако успех их боевого братства был недолог. Вскоре эскадра, в которой ходил крейсер капитана Шеера, была разгромлена, а спасшийся бегством "Фюрст Бисмарк" в марте 1915 года был настигнут у берегов Чили английским крейсером "Глазго" и потоплен. Команда "Фюрст Бисмарка" была интернирована на крохотный островок в Тихом океане, и капитан Шеер решил тайно отпра-

вить в Германию своего молодого друга, дабы тот доложил о случившемся. Вильгельм Улерих успешно справился с заданием, что подтолкнуло его начальство к мысли использовать его как разведчика.

В 1916 году он был направлен в Россию получить опыт работы в немецкой резидентуре, с задачей установить наблюдение за английским посольством. Со своей миссией Кранц справился великолепно. Его донесения о связях и планах взаимодействия России и Англии существенно помогли создавать точные провокации и, в конечном счете, испортить отношения между ними. После февральской революции в России Кранц вернулся в Германию и два года проходил обучение в разведывательно-диверсионных школах, которые тогда только начинали становление и впоследствии в 1919 году преобразованы в контрразведывательное подразделение военного министерства «Абвер». Несмотря на название, основным предназначением организации являлось ведение разведки и осуществлялось подразделениями абвернебенштелле, созданными при штабах приграничных военных округов в городах Кенигсберг, Бреслау, Познань, Штеттин и т.д.

После поражения кайзеровской Германии в первой мировой войне Кранц присягнул новому правительству и стал офицером Веймарской республики. Официально он тянул лямку кадрового офицера – служил то на крейсере "Берлин", то командиром береговой охраны в Свенемюнде. Но это была только видимая сторона его деятельности. Гораздо важнее

была сторона другая, которую он старался не афишировать. Например, он очень много сделал для поддержания контактов между спецслужбами Германии в России, где у него со времен первой мировой войны оставались большие связи. Кроме того, он поддерживал дружеские отношения с участниками подавления революционных выступлений в Германии в 1918 году, многие из которых стали членами национал-социалистической партии.

Судьбой было уготовано, чтобы Кранц решительным образом повлиял на назначение своего «знакомца» Канариса на должность руководителя Абвера. Назначению предшествовал скандал 1934 года, связанный с кражей из генерального штаба вермахта множество секретных документов. В результате руководитель Абвера капитан 1-го ранга Патциг был немедленно снят с должности. Вот тогда и пригодился знакомец Канариса. Вильгельму было поручено расследование этого инцидента. В результате замысловатой операции, проведенной Кранцом, был разоблачен польский разведчик Сосновский. Это раскрытие и фигурировавшее в рапорте имя Канариса, как руководителя операции, позволило адмиралу занять высокую должность. А Кранц стал его помощником для особых поручений.

До Канариса Абвер (в переводе с немецкого "отпор", "защита") представлял собой небольшой отдел военного министерства, который состоял из двух секторов – "Восток" и "Запад" – и имел своих представителей в военных округах.

Его задачей был сбор информации об иностранных армиях и борьба со шпионажем, направленным против вермахта. Общее число сотрудников Абвера составляло примерно 40 человек. С приходом Канариса Абвер стал быстро разрастаться. Уже через три года он превратился в огромное управление, только центральный аппарат которого насчитывал около 4 тысяч сотрудников. Но это не являлось главным. Была изменена сама структура управления – после реорганизации в Абвере было уже 4 оперативных отдела. Одним, из которых руководил Кранц. Назывался он «Абвер-2» и специализировался на организации диверсий, террористических актов, акций саботажа, организации повстанческого движения, а также разложении армии и тылов противника.

Основными направлениями деятельности Кранца были подготовка диверсантов для заброски в тыл противника; разработка, изготовление, испытание и использование массовых и индивидуальных средств террора; планирование и осуществление диверсий и терактов, подготовка повстанческих отрядов для действий во вражеском тылу; организация специальных подразделений из числа «фольксдойч» и представителей национальных меньшинств для захвата и уничтожения либо сохранения важных стратегических объектов.

Результатом кипучей деятельности Кранца стало участие в создании в Абвере не только диверсионных подразделений, но и собственных боевых частей. Это была созданная 15 сентября 1939 года "учебная строительная рота ЦБФ 800 для

особых поручений", развернутая весной 1940 года в полк "Бранденбург-800". Полк стал кузницей диверсионно-разведывательных кадров вермахта. Подразделение в 500 человек было разделено на группы по национальному признаку: английскую, русскую, румынскую, африканскую, арабскую и т.д. В каждой группе проводились занятия по изучению иностранных языков, методов разведывательно-диверсионной работы, автодела, верховой езды, плавания, джиу-джитсу, радио и фотодела. Однако, Кранц в этой работе принимал участие уже опосредованно. В 1937 году он был направлен в Китай. В город Харбин, где находился до июня 1941 года. Вот об этой стороне жизни Кранца Клюзенер не знал почти ничего. Но именно там Кранц получил прозвище «доктор».

Спецгруппа «Берта» входила в состав отдела Абвер-2. С присоединением прибалтийских государств и Западной Белоруссии к Советскому Союзу работы в отделе Кранца прибавилось. На данных территориях заблаговременно было оставлено большое количество агентов, которые значительно увеличили поток получаемой информации. Даже за тысячи километров доктор продолжал курировать деятельность отдела по основным направлениям. Одним из ноухау отдела стало использование для сбора сведений специальных комиссий, привлекавшихся для эксгумации трупов военнослужащих вермахта, погибших во время германо-польской войны. В состав комиссий включались опытные разведчики, которые беспрепятственно перемещались по советской терри-

тории, вели активную разведку и занимались восстановлением своей агентуры.

С конца 1940 по май 1941 года основные усилия разведки были сосредоточены на уточнении полученных ранее сведений. На белорусском направлении всю разведывательную и контрразведывательную работу координировал единый штаб «Валли-1», подчинявшийся непосредственно Кранцу. Начиная с начала июня 1941 года, на территорию Советского Союза забрасывались диверсанты «Бранденбург-800». Их задачами теперь являлось: захват и удержание важных объектов инфраструктуры, нарушение проводных линий связи, проведение терактов, распространение лживой информации и панических настроений.

Всего этого Ключенер не мог рассказать Ревершону фон Боху. Как не мог он рассказать ему о том, что не далее как двадцать второго – двадцать третьего июня он должен напрямую выйти на доктора, который находится уже в Бресте.

– Нет, дружище. Мне не посчастливилось его увидеть, – печально ответил Ключенер.

– Да, до таких высот мы с тобой еще не добрались. Но я уверен, Клю, ты станешь полковником, может даже генералом, – Рев похлопал друга по плечу.

Ключенер взглянул на Рева, в голове появилась и тут же исчезла мысль. Лейтенант улыбнулся вдогонку этой мысли.

К бронетранспортеру подошел командир роты лейтенант Шадер.

– Вот вы где.

Клюзенер и фон Бох вскочили. У Рудольфа от резкого движения потемнело в глазах.

– Сидите. Вот, возьмите. Завтра в 22.00 это нужно зачитать солдатам, – Шадер протянул несколько машинописных листов на немецком. – О сигнале «Дортмунд» вам сообщат отдельно. Как вы себя чувствуете, Клюзенер?

– Ничего, господин лейтенант, я в порядке, – ответил Ключа.

– Сегодня всем отдыхать. Еще раз проверьте снаряжение. Выступаем завтра. Вы у нас на самом переднем краю. Великая Германия вручила в ваши руки успех приграничных операций. Я верю в вас, воины!

– Хайль Гитлер, – громко отозвался фон Бох и выкинул вперед правую руку.

Клюзенер промолчал. Оба лейтенанта посмотрели на него удивленным взглядом.

– Никому не пожелаю падать с дерева вниз башкой, – сказал Ключа.

– Хайль, – сказал Шадер, бросив руку в ответ Реву.

Шадер ушел. Клюзенер развернул машинописные листы. Это было обращение Гитлера к немецкому народу.

«Немецкий народ! Национал-социалисты! Одолеваемый тяжельми заботами, я был обречен на многомесячное молчание. Но теперь настал час, когда я, наконец, могу говорить открыто».

– Патетики не меньше, чем у Шадера, – заметил Рев, заглядывая через плечо Клю.

– Это точно, – сказал Клю и продолжил читать.

Далее Гитлер рассуждал о вступлении 3 сентября 1939 года Англии в войну с Германским Рейхом как о новой попытке Британии сорвать подъем Европы посредством борьбы против самой сильной в данное время державы континента. Так, по мнению фюрера, Англия погубила великие некогда морские метрополии: Испанию, Голландию, Францию.

«Только из-за отсутствия внутреннего единства Германия потерпела поражение в 1918 году. Последствия были ужасны. После того, как первоначально было лицемерно объявлено, что борьба ведется только против кайзера и его режима, когда немецкая армия сложила оружие, началось планомерное уничтожение Германской империи. В то время, как казалось, дословно сбывается пророчество одного французского государственного деятеля, что в Германии 20 миллионов лишних людей, т.е. их нужно устранить с помощью голода, болезней или эмиграции, национал-социалистическое движение начало свою работу по объединению немецкого народа и тем самым положило путь к возрождению Империи. Этот новый подъем нашего народа из нужды, нищеты и позорного неуважения к нему проходил под знаком чисто внутреннего воздержания. Англию, в частности, это никак не затрагивало и ничего ей не угрожало. Несмотря на это, моментально возобновилась вдохновляемая ненави-

стью политика окружения Германии. Изнутри и извне плелся известный нам заговор евреев и демократов, большевиков и реакционеров с единственной целью помешать созданию нового национального государства и снова погрузить Рейх в пучину бессилия и нищеты».

– Обращение перед нападением на Россию, а начал изда- лека, – вслух сказал Ключ.

– Фюрер – гений! – уважительно отозвался Рев.

Гитлер уравнил народ Германии, униженный Версаль- ским договором 1918 года, с народами Японии и Италии, со- юзниками по оси.

«Союз этих наций был поэтому лишь актом самооборо- ны против угрожавшей им эгоистической всемирной коали- ции богатства и власти. Ещё в 1936 году Черчилль заявил, по словам американского генерала Вуда, перед комитетом Палаты представителей США, что Германия снова стано- вится слишком сильной и поэтому ее нужно уничтожить.

Летом 1939 года Англии показалось, что настал момент начать это вновь задуманное уничтожение с повторения широкомасштабной политики окружения Германии.

Систематическая кампания лжи, которая была органи- зована с этой целью, была направлена на то, чтобы убе- дить другие народы, будто над ними нависла угроза, пой- мать их сначала в ловушку английских гарантий и обещаний поддержки, а потом, как накануне мировой войны, заста-

вить их воевать против Германии.

Так, Англии удалось с мая по август 1939 года распространить в мире утверждение, будто Германия непосредственно угрожает Литве, Эстонии, Латвии, Финляндии, Бессарабии, а также Украине. Часть этих стран с помощью подобных утверждений отклонили обещанные гарантии и они тем самым сделали частью фронта окружения Германии.

При этих обстоятельствах я, сознавая свою ответственность перед своей совестью и перед историей немецкого народа, счел возможным не только заверить эти страны и их правительства в лживости британских утверждений, но и, кроме того, специально успокоить самую сильную державу Востока с помощью торжественных заявлений о границах сфер наших интересов.

Национал-социалисты! Вы все, конечно, чувствовали тогда, что этот шаг был для меня горьким и трудным. Никогда немецкий народ не испытывал враждебных чувств к народам России.

Только на протяжении двух последних десятилетий еврейско-большевистские правители Москвы старались поджечь не только Германию, но и всю Европу. Не Германия пыталась перенести свое националистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство, притом не толь-

ко духовное, но, прежде всего, военное.

Но результатами деятельности этого режима во всех странах были только хаос, нищета и голод. В противовес этому я два десятилетия старался при минимальном вмешательстве и без разрушения нашего производства построить в Германии новый социалистический порядок, который не только ликвидировал безработицу, но и обеспечил благодаря повышению оплаты труда постоянный приток людей в сферу созидания.

Успехи этой политики новых экономических и социальных отношений в нашем народе, которые, планомерно преодолевая сословные и классовые противоречия, имеют своей конечной целью создание подлинного народного сообщества, уникальны во всем мире.

Поэтому в августе 1939 года для меня было таким трудным решение послать моего министра в Москву, чтобы попытаться там оказать противодействие британской политике окружения Германии. Я сделал это не только осознавая свою ответственность перед немецким народом, но, прежде всего, в надежде достичь в конечном счете продолжительной разрядки, которая могла бы уменьшить жертвы, которые потребовались бы от нас в противном случае.

После того как Германия в Москве торжественно признала указанные в договоре области и страны— за исклю-

чением Литвы – находящимися вне сферы каких бы то ни было германских политических интересов, было заключено еще особое соглашение на тот случай, если бы Англии действительно удалось подтолкнуть Польшу к войне против Германии. Но и в этом случае имело место ограничение немецких притязаний, которое никоим образом не соответствовало успехам немецкого оружия.

Национал-социалисты! Последствия этого договора, которого я сам хотел и который заключил в интересах немецкого народа, были особенно тяжелыми для немцев, живших в затронутых им странах. Более полумиллиона наших соплеменников – сплошь мелкие крестьяне, ремесленники и рабочие – были вынуждены чуть ли не за одну ночь покинуть свою бывшую родину, спасаясь от нового режима, который грозил им сначала беспредельной нищетой, а рано или поздно – полным истреблением. Несмотря на это, тысячи немцев исчезли! Было невозможно узнать что-либо об их судьбе или хотя бы местонахождении. Среди них было более 160 граждан Рейха.

Я молчал обо всем этом, потому что должен был молчать, потому что моим главным желанием было достичь окончательной разрядки и, если возможно, – длительного баланса интересов с этим государством.

Но еще во время наступления наших войск в Польше советские правители внезапно, вопреки договору, выдвинули

притязания также на Литву.

Германский Рейх никогда не имел намерения оккупировать Литву и не только не предъявлял никаких подобных требований литовскому правительству, но, наоборот, отклонил просьбу тогдашнего литовского правительства послать в Литву немецкие войска, поскольку это не соответствовало целям германской политики.

Несмотря на это, я согласился и на это новое русское требование. Но это было лишь началом непрерывной череды все новых и новых вымогательств.

Победа в Польше, достигнутая исключительно силами немецкой армии, побудила меня снова обратиться к западным державам с мирным предложением. Оно было отклонено международными и еврейскими поджигателями войны. Но причина его отклонения уже тогда заключалась в том, что Англия все еще надеялась, что ей удастся мобилизовать против Германии европейскую коалицию, включая балканские страны и Советскую Россию.

В Лондоне решили направить послом в Москву мистера Криппса. Он получил четкое задание при любых обстоятельствах восстановить отношения между Англией и Советской Россией и развивать их в английских интересах. О прогрессе этой миссии сообщала английская пресса, если тактические соображения не вынуждали ее к молчанию.

Осенью 1939 года и весной 1940 года первые последствия стали свершившимися фактами. Приступив к подчинению военной силой не только Финляндии, но и прибалтийских государств, Россия внезапно стала мотивировать эти действия столь же лживыми, как и смехотворным утверждением, будто эти страны нужно защищать от угрозы извне или предупредить ее. Но при этом могла иметься в виду только Германия, так как ни одна другая держава вообще не могла ни проникнуть в зону Балтийского моря, ни вести там войну.

Несмотря на это, я опять смолчал. Но правители в Кремле сразу же пошли дальше.

В то время, как Германия войной 1940 года в соответствии с т.н. пактом о дружбе, далеко отодвинула свои войска от восточной границы и большей частью вообще очистила эти области от немецких войск, уже началось сосредоточение русских сил в таких масштабах, что это можно было расценивать только как умышленную угрозу Германии. Согласно одному заявлению, сделанному тогда лично Молотовым, уже весной 1940 года только в прибалтийских государствах находились 22 русские дивизии».

– Лихо заворачивает, – подумал Ключо. – Сейчас будет выводить на превентивный удар, на который его вынудила Россия. Все у него складно, кирпичик к кирпичику. Манипуля-

тор сознанием! Если не знать об исключительно экономической причине нападения на Советский союз, то картина получается, как говорится, маслом. Ну, что там дальше...

«Так как русское правительство само постоянно утверждало, что их призвало местное население, целью их дальнейшего пребывания там могла быть только демонстрация против Германии.»

В то время, как наши солдаты 10 мая 1940 года сломали франко-британскую силу на Западе, сосредоточение русских войск на нашем восточном фронте постепенно принимало все более угрожающие размеры. Поэтому с августа 1940 года я пришел к выводу, что интересы Рейха будут нарушены роковым образом, если перед лицом этого мощного сосредоточения большевистских дивизий мы оставим незащищенными наши восточные провинции, которые и так уже не раз опустошались.

Произошло то, на что было направлено англо-советское сотрудничество, а именно: на Востоке были связаны столь большие немецкие силы, что руководство Германии не могло больше рассчитывать на радикальное окончание войны на Западе, особенно в результате действий авиации.

Это соответствовало цели не только британской, но и советской политики, ибо как Англия, так и Советская Россия хотели, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы ослабить всю Европу и максимально обессилить ее.

Угрожающее наступление России также в конечном счете служило только одной задаче: взять в свои руки важную основу экономической жизни не только Германии, но и всей Европы или, в зависимости от обстоятельств, как минимум уничтожить её. Но именно Германский Рейх с 1933 года с бесконечным терпением старался сделать государства Юго-Восточной Европы своими торговыми партнерами. Поэтому мы были больше всех заинтересованы в их внутренней государственной консолидации и сохранении в них порядка».

– Поэтому с 1933 года ты довел численность вооруженных сил со ста тысяч штыков, без авиации, танков и тяжелой артиллерии до восьми с половиной миллионов человек, с тысячами танков, включая образцы Чехии и Франции, с тысячами самолетов, с десятками тысяч единиц артиллерии, – отвечал Гитлеру про себя Ключо. – Действительно, все это исключительно меры по сохранению мира.

«Вторжение России в Румынию и союз Греции с Англией угрожали вскоре превратить и эти территории в арену всеобщей войны.

Вопреки нашим принципам и обычаям я в ответ на настоятельную просьбу тогдашнего румынского правительства, которое само было повинно в таком развитии событий, дал совет ради мира уступить советскому шантажу и отдать Бессарабию.

Но румынское правительство считало, что сможет оправдать этот шаг перед своим народом лишь при том условии, если Германия и Италия в порядке возмещения ущерба, дадут как минимум гарантию нерушимости границ оставшейся части Румынии.

Я сделал это с тяжелым сердцем. Причина понятна: если Германский Рейх дает гарантию, это означает, что он за нее ручается. Мы не англичане и не евреи.

Я верил до последнего часа, что послужу делу мира в этом регионе, даже если приму на себя тяжелые обязательства. Но чтобы окончательно решить эти проблемы и уяснить русскую позицию по отношению к Рейху, испытывая давление постоянно усиливающейся мобилизации на наших восточных границах, я пригласил господина Молотова в Берлин.

Советский министр иностранных дел потребовал прояснения позиции или согласия Германии по следующим 4 вопросам:

1-й вопрос Молотова: Будет ли германская гарантия Румынии в случае нападения Советской России на Румынию направлена также против Советской России?

Мой ответ: Германская гарантия имеет общий и обязательный для нас характер. Россия никогда не заявляла нам, что, кроме Бессарабии, у нее вообще есть в Румынии еще

какие-то интересы. Оккупация Северной Буковины уже была нарушением этого заверения. Поэтому я не думаю, что Россия теперь вдруг вознамерилась предпринять какие-то дальнейшие действия против Румынии.

2-й вопрос Молотова: Россия опять ощущает угрозу со стороны Финляндии и решила, что не будет этого терпеть. Готова ли Германия не оказывать Финляндии поддержки и, прежде всего, немедленно отвести назад немецкие войска, которые продвигаются к Киркенесу на смену прежним?

Мой ответ: Германия по-прежнему не имеет в Финляндии никаких политических интересов, однако правительство Германского рейха не могло бы терпимо отнестись к новой войне России против маленького финского народа, тем более мы никогда не могли поверить в угрозу России со стороны Финляндии. Мы вообще не хотели бы, чтобы Балтийское море опять стало театром военных действий.

3-й вопрос Молотова: Готова ли Германия согласиться с тем, что Советская Россия предоставит гарантию Болгарии и советские войска будут для этой цели посланы в Болгарию, причем он, Молотов, хотел бы заверить, что это не будет использовано как повод, например, для свержения царя?

Мой ответ: Болгария – суверенное государство, и мне неизвестно, обращалась ли вообще Болгария к Советской России с просьбой о гарантии подобно тому, как Румыния обратилась к Германии. Кроме того, я должен обсудить

этот вопрос с моими союзниками.

4-й вопрос Молотова: Советской России при любых обстоятельствах требуется свободный проход через Дарданеллы, а для его защиты необходимо создать несколько важных военных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласится с этим Германия или нет?

Мой ответ: Германия готова в любой момент дать свое согласие на изменение статуса проливов, определенного соглашением в Монтрё в пользу черногорских государств, но Германия не готова согласиться на создание русских военных баз в проливах.

Национал-социалисты! Я занял в данном вопросе позицию, которую только и мог занять как ответственный вождь Германского рейха и как сознающий свою ответственность представитель европейской культуры и цивилизации. Результатом стало усиление советской деятельности, направленной против Рейха, прежде всего, немедленно был начат подкоп под новое румынское государство, усилились и попытки с помощью пропаганды свергнуть болгарское правительство.

С помощью запутавшихся, незрелых людей из румынского Легиона удалось инсценировать государственный переворот, целью которого было свергнуть главу государства генерала Антонеску, ввергнуть страну в хаос и, устранив законную власть, создать предпосылки для того, чтобы обещанные Германией гарантии не могли вступить в силу.

Несмотря на это, я продолжал считать, что лучше всего хранить молчание.

Сразу же после краха этой авантюры опять усилилась концентрация русских войск на восточной границе Германии. Танковые и парашютные войска во все большем количестве перебрасывались на угрожающе близкое к германской границе расстояние. Германский Вермахт и германская родина знают, что еще несколько недель назад на нашей восточной границе не было ни одной немецкой танковой или моторизованной дивизии.

Но если требовалось последнее доказательство того, что, несмотря на все опровержения и маскировку, возникла коалиция между Англией и Советской Россией, то его дал югославский конфликт.

Пока я предпринимал последнюю попытку умиротворения Балкан и, разумеется, вместе с дуче предложил Югославии присоединиться к Тройственному пакту, Англия и Советская Россия совместно организовали путч, и за одну ночь устранили тогдашнее правительство, готовое к взаимопониманию. Сегодня об этом можно рассказать немецкому народу: антигерманский государственный переворот в Сербии произошел не только под английскими, но и, прежде всего, под советскими знаменами. Поскольку мы промолчали и об этом, советское руководство сделало следующий шаг.

Оно не только организовало путч, но и несколько дней спустя заключило со своими новыми ставленниками известный договор о дружбе, призванный укрепить волю Сербии оказать сопротивление умиротворению на Балканах и направить ее на Германию. И это не было платоническим намерением. Москва требовала мобилизации сербской армии.

Поскольку я продолжал считать, что лучше не высказываться, кремлевские правители сделали еще один шаг. Правительство германского рейха располагает сегодня документами, из которых явствует, что Россия, чтобы окончательно втянуть Сербию в войну, обещало ей поставить через Салоники оружие, самолеты, боеприпасы и прочие военные материалы против Германии. И это происходило почти в тот самый момент, когда я еще советовал японскому министру иностранных дел д-ру Мацуоке добиваться разрядки с Россией, все еще надеясь послужить этим делу мира.

Только быстрый прорыв наших несравненных дивизий к Скопье и занятие самих Салоник воспрепятствовали осуществлению этого советско-англосаксонского заговора. Офицеры сербских ВВС улетели в Россию и были приняты там как союзники. Только победа держав Оси на Балканах сорвала план втянуть Германию этим летом в многомесячную борьбу на юго-востоке, а тем временем завершить сосредоточение советских армий, усилить их боевую готовность, а потом вместе с Англией, с надеждой на амери-

канские поставки, задушить и задавить Германский Рейх и Италию.

Тем самым Москва не только нарушила положения нашего пакта о дружбе, но и жалким образом его предала.

И в то же время правители Кремля до последней минуты, как и в случаях с Финляндией и Румынией, лицемерно уверяли внешний мир в своем стремлении к миру и дружбе и составляли внешне безобидные опровержения.

Если до сих пор обстоятельства вынуждали меня хранить молчание, то теперь настал момент, когда дальнейшее бездействие будет не только грехом попустительства, но и преступлением против немецкого народа и всей Европы.

Сегодня на нашей границе стоят 160 русских дивизий.

В последние недели имеют место непрерывные нарушения этой границы, не только нашей, но и на дальнем севере и в Румынии. Русские летчики забавляются тем, что беззаботно перелетают эту границу, словно хотят показать нам, что они уже чувствуют себя хозяевами этой территории. В ночь с 17 на 18 июня русские патрули снова вторглись на территорию рейха и были вытеснены только после длительной перестрелки».

– Просто откровенная ложь! – чуть не воскликнул Ключенер.

«Но теперь настал час, когда необходимо выступить

против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве.

Немецкий народ! В данный момент осуществляется величайшее по своей протяженности и объему выступление войск, какое только видел мир. В союзе с финскими товарищами стоят бойцы победителя при Нарвике у Северного Ледовитого океана. Немецкие дивизии под командой завоевателя Норвегии защищают вместе с финскими героями борьбы за свободу под командованием их маршала финскую землю. От Восточной Пруссии до Карпат развернуты соединения немецкого восточного фронта. На берегах Прута и в низовьях Дуная до побережья Черного моря румынские и немецкие солдаты объединяются под командованием главы государства Антонеску.

Задача этого фронта уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех.

Поэтому я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь в этой борьбе!

АДОЛЬФ ГИТЛЕР»

Клюзенер огляделся. Бронетранспортер его группы стоял

в перелеске молодых березок, елей и сосн. На бортах белые полосы по краям отсвечивали черный крест, полевой кашевар крутил метровой поварежкой похлебку, повсюду снова-таки солдаты и младшие командиры, кто-то в полной амуниции, кто-то по пояс раздетым. Деловито и не торопливо текла жизнь вермахта в нескольких километрах от границы.

Стояла тишина. Редкие звуки солдатского быта, птиц и ветра на верхушках деревьев – вот и все. О чем думали Гансы и Фридрихи, Ланге и Шильке в этот момент? Думали ли они, чем обернется для НИХ эта война? А для ТЕХ, против кого они направили свои штыки? Какими голосами их встретит русская земля: детскими, материнскими... Что они услышат за спиной? Что оставят за собой?

– Один немецкий солдат написал из плена письмо в 1944 году домой. В нем он сокрушался от непонимания, как могло произойти так, что из-за одной фотографии русские расстреляли половину его роты. Дело было так. Немцы отступали, где-то в Белоруссии. Шли через сожженные деревни. Как писал этот немец, очень жалели себя из-за отсутствия нормальной еды и перманентного отступления. Один из солдат нашел фотографию русской девушки. Фото по краям обгорело, но изображение сохранилось. Очень красивая была девушка.

– Зачем она тебе, Вилли? – спрашивали сослуживцы.

– Я хочу, чтобы посреди этого ужаса, грязи и боли со мной было что-то хорошее. Буду носить ее с собой.

Через несколько дней немцы попали в окружение. Советские солдаты вместо того, чтобы передать их конвоирам, построили человек пятьдесят на опушке и расстреляли.

– Зачем вы это делаете, – спрашивали немцы.

Наши ответили, что эту девушку на фото два дня назад они достали из колодца, вместе с сотней жителей деревни.

Не понимал немец, сокрушался, какая жестокость! Не понял! Так и не понял!

Клюзенаер смотрел на немцев. С виду обычных людей. В белых майках с черным орлом на груди и подтяжках. Он подумал, а ведь они еще не знают, что хорошим исходом для немца станет гибель на войне, потому что те, кто останется жив, до конца дней будут смывать позор, и не смоют его. Всю оставшуюся жизнь они будут прятаться за высокими заборами, не смея выйти на свет белый. Еще не знают... Думают ли они вообще сейчас о том, что собираются сотворить?

Трудно сказать. Пожалуй, и не нужно ничего говорить.

20 июня 1941 года, Пугачево.

Место для рыбалки Славка выбрал заранее. Широкое раскидистое дерево с почти метровым дуплом закрывало со стороны дороги, на которой остались странные военные. Противоположный берег кончался высоким обрывом и прикрывал уютное место от ветра. Ряби здесь почти не было. Воды Мухи (так местные называли реку Мухавец) неторопливо текли куда-то влево, мягко ударяясь о глинистый берег. Тихое

утро, ни комарья, ни оводов. Спят, наверное, думал Славка.

Удобно привалившись к стволу, Славка деловито, со знанием, стал разматывать удочку. Ему хотелось думать о сестре, но мысли о странном командире почему-то не покидали его. Размотал удочку, вытащил из жестяной банки червя. Чешуйчатая наживка извивалась, скользила между пальцев и не хотела надеваться на крючок.

– Зараза, – выругался Славка. Шмыгнул носом, засопел, но насадил-таки приманку. Потом разулся, сел поудобнее. Ноги сунул в воду и забросил удочку. Грузило послушно натянуло леску, поплавок выпрямился и встал, как положено.

Минут через пять со стороны дороги Славка услышал отчетливый звук приближающегося мотора. Это была вторая странность за утро, после военных. Мимо деревни вообще редко транспорт проезжал, а в такую рань так вообще не бывало. Звук работающего двигателя приблизился, и как будто остановился. То есть продолжал работать, но не удалялся. Славка услышал мужские голоса. Как-то весь подобрался, превратился во внимание. Разобрать, о чем там говорили, он не смог.

Вдруг голоса стали резче, раздался окрик, началась какая-то возня. Славка положил удочку. Послышался топот. Звуки приближались к месту, где он сидел. Внутри похолодело. Но любопытство оказалось сильнее. Славка аккуратно выглянул из-за дерева.

Сквозь кустарник, не разбирая дороги, бежал красноар-

меец, а за ним молча, тяжело дыша, бежали двое из того патруля, который встретился Славке на дороге. У красноармейца в левой руке была винтовка, но стрелять он даже не пытался. Он глядел себе под ноги, перепрыгивал через мелкую поросль, спотыкался. Славка увидел, что над его полуботинками обе обмотки размотались и теперь концами то волочились, то подпрыгивали, цепляясь за кочки и траву. Щеки солдата были пунцовыми от напряженного бега, а может от страха. На мгновение красноармеец поднял голову и встретился глазами со Славкой. Тут же, споткнувшись, солдат ничком рухнул в траву. Подняться он не успел. Его нагнали уже преследователи и немолодой, усатый, по петлицам старшина с размаху вогнал в спину солдата нож с длинным узким лезвием. Красноармеец издал сдавленный крик и затих.

Старшина, тяжело отдуваясь, перевернул тело. Спокойно вытер нож о гимнастерку убитого и что-то сказал на немецком.

– Что за текст, Ральф? На территории противника говорим только на его языке, – сказал невысокий скуластый парень в форме рядового.

– Да, ты прав, извини, – ответил старшина.

– Максу очень не понравится, если он услышит, – продолжил скуластый.

Ральф молча поднялся с корточек и, злобно взглянув на товарища, сказал:

– Я – хороший солдат, Гюнтер. И в одобрении не нужда-

юсь.

Преследователи вернулись к дороге, на которой стояла полуторка с работающим двигателем. Около автомобиля стоял тот самый командир с прозрачными рыбьими глазами. Через некоторое время Ральф и Гюнтер вернулись. За ноги они волокли двух красноармейцев. Славка смотрел и не мог понять, как такое возможно, чтобы красноармейцы убивали красноармейцев. Ральф и Гюнтер оттащили трупы в ельник, и умело прикрыли их валежником. Оружие красноармейцев положили туда же. Все это было проделано молча, без шума. После чего, они также бесшумно вернулись на дорогу, сели в полуторку и уехали.

Прошло уже несколько минут, а Славка еще не мог оторвать взгляда от лаптей, сваленных бугром в ельнике. Так и стоял, вцепившись в дерево. Что-то происходило в его детской голове. Что-то такое, от чего становилось жутко, хотелось плакать и бежать куда-то, где безопасно. Куда бежать? К отцу, домой. Славка с трудом отвернулся от валежника. В памяти стоял взгляд красноармейца. В глазах солдата были испуг и обреченность, мольба о помощи. Но что мог сделать он, обычный мальчик. Славке стало так больно, что хотелось зарыдать от страха и горечи.

Возвращаться в деревню напрямую через Мамин луг Славка не решился. Он выбрал другой путь. Сначала километра два вдоль реки. Потом через березовую рощу мимо пшеничного поля, огибая деревню справа. Снасти и гости-

нец (конфету) он оставил у реки.

Дорога домой заняла гораздо больше времени, чем к реке Мухавец. Когда Славка огородами входил, деревня уже вовсю шумела. Кукарекали петухи, мычали коровы, вся животная фауна голосилась. Сосед Василич «ковырялся» у сарая. Но Славка сейчас это отмечал по ходу. В голове ключом билась мысль: «Быстрее рассказать все отцу». Славка с разбегу влетел во двор, вскочил на крыльцо и ворвался в дом.

– Бать..., – крикнул Славка и подавился.

В комнате за столом сидел его отец и эти трое военных, которых Славка встретил на дороге. Старшина Ральф, Гюнтер и командир, которого там, на поляне они называли Максом. На столе стояли четыре кружки и солдатская фляжка, мать суежилась у печи.

Длинный худой командир улыбнулся во весь рот, уставился своими водянистыми рыбьими глазами на Славку и спросил:

– Где улов, хлопчик?

Славка растерянно переводил взгляд с отца на военного и обратно.

– Там Аксюта застался. Поглянет, – на ходу придумал мальчик.

– Не бреши, малой. Ты ж один был, – влез в разговор старшина.

– Ни. Он мене там ждав.

Странно, думал Славка, они уехали на полуторки. А он ее

у дома не видел.

– А ты ще такой спуганный, сынку? – наконец спросил отец.

Сейчас! Сейчас все рассказать. Закричать: папка – это немцы. Они ...они... Но слова застревали в горле, мысли путались. Да и откровенно было страшно.

– Бать, помнишь ты казав, шобы я да деда Зосимы збигал. Дык, я ж забылся. Може я зараз збигаю, а? – с надеждой спросил Славка.

– Ну, бежи, бежи. Дак ты ж до Мухи добежи, рыбины не забудь, – крикнул в догонку отец.

Астап Зосимович Кухарчик имел польские корни. Его дед Шимон Новак был сыном счетовода, служившего в тюрьме Варшавская Цитадель. Тот в свое время женился на тихой и болезненной женщине, дочери священника, управлявшего хором в Соборе святых Мартина и Николая. Вот они и родили Шимона. Больше не успели. В Варшаве случилось польское восстание, которое поддержал и отец Шимона.

После гибели родителей Шимон перебрался в Белорусское генерал-губернаторство. В поисках лучшей доли он обосновался здесь, под Брестом, обзавелся семьей, женившись на белоруске Марьяне Кухарчик. И взял ее фамилию. Мера была вынужденная. После польского восстания на территории губернаторства началась интенсивная русификация. Ликвидирован униатская церковь, упразднен Статут великого княжества Литовского. В этой связи иметь поль-

ско-еврейские корни, и тем более, отстаивать религиозные убеждения было бы безумием. С тех пор их семью и знали как семью Кухарчик.

Знатной родословной семья похвастать не могла, ибо предки извечно крестьянствовали и прислуживали. Но деда Шимона это нисколько не беспокоило. Мужик он был рукастый, работающий. У Шимона и Марьяны родились пятеро детей. Три мальчика и две девочки. Но времена были непростые, и выжил только один мальчик – Зосима. Возможно потому выжил, что на греческом это имя означает жизнеспособный, готовый в путь.

Таким образом, все воспитание досталось Зосиме. Дед Шимон часто говаривал:

– Всегда помни, Зосима, мы – Новаки, потомки ляхов Речи Посполитой. Наши предки были людьми честными, верными и добропорядочными. Ничто в жизни не дается без большого труда. Труд – единственный титул истинного благородства.

– Да, папа, – соглашался мальчик...

Марьяна – вечно заботящаяся мать, Шимон – старательный труженик отец. Их семью можно было назвать счастливой. По вечерам Шимон иногда приносил домой какие-нибудь вкусности, и семья насыщалась, старательно вспоминая Бога, который о них не забывает.

Зосима рано оказался смышленным торговцем. Несмотря на малые годы, ходил подработать в богатые семейства.

Мальчишки, вроде него, получали обычно задание металлической «лапкой» драть из опалубки и выравнивать гвозди. Выпрямленные для второго использования, они сдавались в конце дня технику, который взвешивал и платил несколько грошей за каждый килограмм. Зосима старательно относил деньги домой.

Закончил Зосима только четыре класса церковно-приходской школы. Дальше учиться не стал. Работал дома. Быстро овладел крестьянским ремеслом. Благодаря своей предприимчивости вывел хозяйство Шимона на новый уровень. К началу двадцатого века Зосима уже наладил торговлю зерном, организовал в Бресте две ремесленные лавки, построил мельницу и Кухарчики стали зажиточными крестьянами. В 1901 не стало Шимона. Марьяна умерла на пять лет раньше.

У Зосимы в 1888 году родилась двойня. Сыновья: Астап и Генусь. Жена родов не перенесла и померла. Больше Зосима не женился. Сыновья пошли по стопам отца. Занимались хозяйством, развивали торговлю. Оба попали на фронт Первой Мировой войны. Генусь сгинул во время брусиловского прорыва в 1916 году. Тела его не нашли, но и домой он не вернулся. Так он и числился пропавшим без вести. Астап же, отец Славки, получив два ранения, вернулся домой в 1917 году летом, с «георгием» третьей степени на груди.

Несмотря на то, что война прокатилась и по этим местам, хозяйство Зосимы устояло. Талант договариваться и крутиться спас и имущество и семью. Зосима подкармливал и

русских и немецких офицеров. Когда было нужно, брал на постой, на зимовку. Делился зерном и мясом. С возвращением Астапа наступили более или менее спокойные времена. Астап женился на дочери мельника Олесе, на свет появились Елизавета (в 1920) и Славка (в 1931).

Разразившаяся 1 сентября 1939 года немецко-польская война, Пугачево почти не коснулась. За пару недель все и закончилось: 17 сентября в дело вступила Красная армия, и судьба Польши была решена. Государственная граница, проходившая в районе станции Негорелое, переместилась на западную окраину Бреста.

В отличие от настороженного города в деревнях советскую власть встречали с открытым сердцем. Лозунг «освобождения» нашел здесь благодатную почву. Красную армию ждали с флагами, сооружали украшенные ленточками и цветами ворота.

На входе в Пугачево тоже сделали «браму». Вся деревня вышла встречать и, дождавшись первых колонн, была несколько озадачена. Знали польскую кавалерию: франтоватые офицеры, ухоженные кони, седла и сбруя пахли кожей, а тут... Вместо сапог – ботинки с обмотками, лошаденки слабые, поводья из брезента. Что за нищebroды?!

Но довольно скоро пугачевцы убедились в обманчивости первых впечатлений: сильная рука пришла. С недельку русские и немцы стояли в городе параллельно. После совместного парада в Бресте немцы ушли, и стало ясно, какой в доме

хозяин объявился.

Жители Пугачева, да что там жители, Славка еще помнил, как неподалеку, через речку Мухавец, лагерем стоял польский батальон и строил под себя городок и полигон. Разумеется, это притягивало мальчишек как пчел к цветам. Мухавец мальчишки переходили вброд рядом с разрушенным в Первую Мировую мостом, который сейчас назывался Суворовским. Река в том месте была неглубокой, приходилось проплыть всего метра два-три. Одежду привязывали к голове брючным ремешком. Перебравшись через Мухавец, шагали напрямки к полигону. Военные обжили милый соснячок и с наступлением тепла разбили армейские палатки. Вплоть до окончания строительства городка здесь каждую весну проходило торжество. Играл духовой оркестр, проводились соревнования по перетягиванию каната, солдаты, жолнезы прыгали в мешках. Победителей награждали конфетами, шоколадками, печеньем. Местный люд в соревнованиях не участвовал, шли просто на праздник – с Вульки, Волынки, Пугачево. На открытие, как водится, подтягивались торговцы, прикатывали на повозках товар – печенье, конфеты, колбасу... Ну, и Кухарчики были среди них не последние.

Так было до 1939 года.

Потом все изменилось.

С приходом Советской власти предпринимательская жизнь Кухарчиков резко дала крен. Нет, их не раскулачи-

вали, но с приходом таких явлений как совхозы, комиссары возможности ведения свободной торговли были сильно ограничены. Да и делиться теперь приходилось порой без взаимного согласия. Дед Зосима не принял новую власть. Но и бороться не стал. Удалился на дальний хутор. Занимался хозяйством «неглыбким», возился с внуками, когда приходили, в общественной жизни не участвовал. Хутор от Пугачево был в четырех верстах.

Сыну Зосима говорил:

– Разумей, Астап, я не супротив Савецкой але какой-либо иной улады. Улада – это парадак и закон. Без яе буде хаос. Улада – хэто обарона. Я за то, каб улада гаварыла со сваим народам. Ведь яе предзначення ву том, каб вести народ да святлае жызны. Улада не вырабляе прадуктов, не пашет зямлю, не сее хлеб. Гэта робит народ. И я гатовый гэта рабить, я умею и люблю працавать на зямли. Я гатовый кармить уладу. Але я ж чалавек. У мяне есть гонар и годнасть. А савецкая улада патаптала их. Оны прыйшли на гэту зямлю з зброю, захапили силай. Усталявали свае парадки. Прыдумали и выдали законы, яки дазваляють им брать усё, што трэба. Не пытаючыся пры гэтым тых, хто вырабляе гэта «усё». Ведь зувсिम нескладано, имеучы в руках зброю адбрання усе належатие людям прадукты. Я нонче адчуваю сябе бясправным.

Астап новую власть принял сдержанно. По-крестьянски не спешил. Принюхивался, присматривался. Первые шаги Советов давали нешуточные преференции за лояльность.

Власть откровенно заигрывала с местными. К примеру, Лизе без вступительных испытаний дали место учиться в Минске. Что со времен императорской России было невиданным. Это открывало перспективы. Опять же Славка подрастал. Поэтому хоть Астап взгляды отца разделял, но открыто протестовать тоже не стал, внешне он принял и соблюдал правила. В Пугачево он бухгалтером, прям как его прадед.

– У вас все готово? – спросил Макс Кенке у Астапа.

Астап оторвался от тяжелых мыслей. Гости нагрянули неожиданно. Макса Кенке он знал уже почти год. Если бы знал Господь, сколько раз Астап проклинал тот чертов день, когда оказался в руках этого парня с прозрачными глазами. Работа счетовода всегда была связана с махинациями. Астап не стал исключением. Работал с цифрами, потихонечку минусовал, плюсовал. Сильно не грубил. Поэтому все было тихо, и копеечка какая-никакая домой шла. Но в тот чертов день в августе 1940 года случилось то, что обычно случается с вороватыми чинушами. Не выдержала душа поэта, не смог. Соблазнился! Подзаработал. Все бы ничего, но из-под земли вырос сотрудник НКВД. Вот этот самый Макс Кенке. Только тогда он назывался Крамаренко Николай Петрович. Быстренько обрисовал незадачливому счетоводу перспективы маршрута в места не то, что не столь отдаленные, а вообще-то весьма и весьма отдаленные от Пугачево. Добавил ужастиков про «врага народа» (к слову сказать, изобретение вовсе не Советской власти, а господина Робеспьера в извест-

ной революции), про незавидную участь жены и детей «врага народа» и т.д. Долго расписывать не пришлось. Астап, как любой еврей, был человек неглупый, поэтому предложил решить вопрос миром. Решение нашлось. Подписал Астап документик. И с этого момента жизнь его изменилась.

Оказалось, что Крамаренко совсем не Крамаренко, а Макс Кенке. А Астап теперь агент немецкой разведки. И невыполнение приказов нового начальства грозило разоблачением перед НКВД и ни о какой Колыме в этом случае речь уже не шла. А вот бонусы за хорошую службу авансом были выданы. Продовольственная, финансовая поддержка; в тайном месте у Астапа лежали документы на всю семью, с которыми он мог уехать в Европу после присоединения территории Белоруссии к Великой Германии. К началу сорок первого года настроения в приграничных районах Белоруссии склонялись в прогерманскую сторону. Настораживала, конечно, информация о еврейских погромах. Но евреи не были цельным образованием. Поэтому то, что происходило на территории Западной Европы виделось маловероятным здесь.

На площади неподалеку от входа на вокзал стоял ГАЗ, окрашенный в защитный цвет. К нему Стебунцов и вел. Знаменитая «полуторка». Мамин видел такие неоднократно в музеях и на выставках, посвященных великой отечественной войне. Но те машины не впечатлили Мамина, как эта. На вы-

ставках стояли отполированные, отмытые, с начищенными колесами. Они походили на праздничные медяки. Здесь стоял труженик. Невысокий (голова Мамина была выше борта кузова), запыленный, он стоял задумчивый и грустный посреди серой реальности. Вдруг Мамин осознал, что бросается в глаза. Отсутствие вычурности, крикливости в антураже. Все такое вдумчивое, серьезное и основательное. Основательные люди, одетые в простые, неброские одежды. Даже девушки и женщины, одетые в приятные и даже яркие цвета, возможно, из-за покроя, не теряли достоинства и приличия. Нет, то, что должно было быть выпуклым, было таким более чем. Но в отличие от мира Мамина здесь не было разнузданности и развязности. Не ходили девочки подростки в «кричащих» мини юбках, мальчики не заплетали косы и не крашили волосы, не сидели на кортах чечены-таксисты, с забитым под губой «насваем», заплывавая не хуже породистого верблюда все в округ себя. Да, в этой простой, но с достоинством, атмосфере «старичок» ГАЗик был свой. Металлическая кабина, местами помятая, угловато-изогнутые крылья над передними колесами, деревянный кузов, с потертостями и царапинами, деревянная подножка. На дверце белой краской выведен номер Б-2-50-25. Особенно поразил Мамина низкий просвет. Сантиметров двадцать, не больше. Для грузового автомобиля немислимая вещь. Хотя!? ГАЗ, кажется, происходил их легковых, и не являлся грузовым автомобилем. Алексей точно вспомнить не успел.

– Товарищ капитан, одну минуту, – путь к автомобилю перегородили три человека в военной форме, с нарукавными повязками «патруль».

– Здравия желаю! – пробасил коренастый, средних лет, одетый в защитного цвета китель и синие шаровары, в петлицах две шпалы.

– Комендатура, – догадался Мамин. – Вот и фильмы о войне пригодились.

– Помощник коменданта, майор Яузov. Предъявите ваши документы, товарищи, – обратился сразу ко всей троице майор.

Мамин, повозившись с неуступчивой пуговицей, подал проездные документы и аттестаты майору. Помощник-лейтенант осматривал документы Лизы и Стебунцова.

– Откуда прибыли?

– Город-герой Ленинград – ответил Мамин весело.

– Откуда? – майор удивился и нахмурился одновременно. – Что вы имеете ввиду?

– Ай-яй. Вот балбес. Ленинград еще не стал городом-героем. Да, молодец, нечего сказать. Такими темпами я и до войны не доживу. Как шпиона к стенке поставят. Так, надо выкручиваться. Лучшая защита – наступление, – рассказывал себе Алексей.

– А, вы что? Вы сомневаетесь, что колыбель трех революций город-герой? Не согласны?

Ответ смутил майора, и тот, молча, уткнулся в документы.

– Нужно быть аккуратнее, – подумал Мамин.

– Фамилия, имя, отчество? – отчеканил майор.

– Обиделся, – отметил Мамин, а вслух насколько мог спокойно произнес. – Мамин Алексей Степанович.

– Дата и место рождения? – продолжал допрос майор.

– Двадцать девятое июля тыща девятьсот одиннадцатый, Арзамас, – ответил Мамин.

– Местом назначения указан г. Брест, но в предписании не указан номер части.

– Раз не указано, значит не нужно.

Майор вновь поднял глаза на Алексея.

– Нужно, нужно. Мы вас сейчас сопроводим в комендатуру. Там и выясним, кто вы и куда следуете, – сухим тоном сказал майор.

– Товарищ майор, вы отлично знаете, что означает отсутствие номера части назначения. И привод в комендатуру не прольет свет на эту информацию. Вы просто получите приказ отпустить меня. Стоит ли тратить время? – уверенно ответил Мамин.

Действительно, не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что отсутствие номера части в предписании означало только одно, он (Мамин) разведчик и часть, к которой он уже приписан засекречена. Всю информацию он получит на месте в гарнизоне.

– Странные разговоры вы ведете, товарищ капитан, – мягче спросил майор.

– Третий раз за сегодня называют меня странным, – подумал Мамин.

– Во время движения ничего подозрительного не заметили? – продолжал майор.

– Простите, с дороги утомился. Отсыпался. Ничего не заметил. Что-то случилось?

Майор внимательно посмотрел Мамину в глаза. Алексей этот взгляд выдержал. Видимо удовлетворившись результатом «визуального баттла» майор кивнул помощнику, после чего документы всем были возвращены.

– Доброго пути, – козырнул майор.

Стебунцов, Лиза и Мамин поспешили усесться в ГАЗ. Чемоданы ефрейтор закинул в кузов.

Кабина ГАЗика не была лишена аскетизма. На панели пара приборчиков, которые не работали, что стало понятно после начала движения. Педали в полу, две цилиндрические палки, торчащие как мачты корабля. Одна мачта – рычаг коробки передач, вторая – рулевая тяга. Стебунцов – капитан этого «титаника» сел за огромное рулевое колесо, обособленно именуемое в народе «баранкой», которое он вращал с видимым усилием, словно вел не полутоннажную машину, а многотонное судно. Мамин наблюдал за манипуляциями водителя и не понимал, как это вообще возможно. Руль упирался ефрейтору в грудь и при каждом толчке тот сильно ударялся. Педали больше походили на тренажер «степпер», высоко возвышаясь над полом. Чтобы нажать педаль, нужно

было не опустить ногу, а сначала поднять ее коленом до груди и потом со всей силы надавить. Переключение передачи – отдельная песня. Выжал сцепление, рычаг на нейтралку, отпустил сцепление, снова выжал, включил передачу. Причем, движение Стебунцов начал сразу со второй передачи.

Во время движения Мамин то бился макушкой о жестяную крышу, то продавливал «мягким местом» хлипкую подушку сиденья до деревянного основания. «Место» подавало сигналы неодобрения. Но эти сильные ощущения меркнули, когда порожний ГАЗон попал в серию ям. Машина на субтильных рессорах (спереди – традиционная для предвоенных «фордов» поперечная) начала скакать так, что Алексей инстинктивно стал искать ногой педаль тормоза. Не нашел. Посмотрел на Стебунцова. Тот похоже нашел, но не сразу.

Пытаясь отделаться от неудобства, Алексей задумался, что он знает об этом древесно-жестяном трудяге, именуемом «телегой с мотором». Пятидесяти сильный нижнеклапанный мотор, несинхронизированная коробка передач, подвеска без амортизаторов, ручная регулировка опережения зажигания, подача бензина к карбюратору самотеком. Не стоит забывать и о тормозах. По заводским данным десять метров до полной остановки со скорости тридцать км/ч. Это еще, если колодки на всех колесах. Зачастую тормоза были только на задних колесах. В общем проще некуда. Настоящая телега. В мире Мамина самокаты уже были сложнее.

На каждой передаче машина издавала свой, особенный, но неизменно громкий голос. Скрипел, кряхтел «старичок», но ехал. Вез Мамина, Стебунцова, Лизу по дорогам, еще не фронтowym, но уже в победное будущее, куда довезут вот такие трудяги ГАЗончики, ЗиСы советских воинов до Берлина. Мамин прислушался. И вдруг бухтение простенького мотора, заглушаемое отчаянным воем трансмиссии, зазвучало, как песня Победы...

Лиза села посередине, Мамин у двери. До крепости ехать было недалеко, Алексей это знал. В его времена вокзал и крепость располагались на тех же местах. Дороги Бреста во времена Мамина были вполне комфортными. Батяка Лукашенко по-отечески положил асфальт. Сейчас же это были мощеные камнем стиральные доски.

– Стебунцов, у тебя имя-то есть? – наигранно весело спросил Мамин.

– Есть. Семен. Михайлович, как у Буденного, – с гордостью ответил Стебунцов.

– Ммм. Круто. Расскажи хоть о себе.

На слове «круто» Семен резко повернулся. Мамин прикусил губу. Опять прокол. В сороковых так не говорили. Но переспрашивать Стебунцов не стал, а Мамин терпеливо ждал ответа, да и Лиза с интересом глядела на ефрейтора. Видимо, ей тоже было любопытно узнать, откуда произрастают такие вот молодчики. Семен рассказал, что он из-под города Южно-Уральска, отучился в школе, там же получил корочки шо-

фера. Активный член Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР. Перечислением регалий он потряс не только Лизу, которая с каждым новым упомянутым достижением (на который, как заверял Семен, у него имелся значок) ее глаза расширялись и наполнялись благоговейным восторгом, но и Мамина. Чего только Семен не успел уже к своим двадцати годам. Сдал норматив второй ступени «готов к противовоздушной и противохимической обороне», норматив «ворошиловский стрелок первой ступени» (причем из боевой винтовки), два прыжка с парашютом и т.д. Алексей прикинул в голове. Он не то, что к двадцати годам своей жизни, а и к тридцати не имел такой подготовки, хотя за спиной был специализированный вуз. Ничего себе так подготовочка у обычного шофера. Кстати, еще совершенно не известно, какая подготовка была у этого капитана, в чьей форме сейчас находился Мамин.

– А что за баранкой тогда? Почему не в разведчиках или еще где? – спросил Мамин.

– Я, товарищ капитан, за показухой не гонюсь. Я на любом месте готов Родину защищать. Где придется.

– О, как. Да ты – серьезный парень, – заметил Алексей. Лиза благосклонно улыбнулась Семену.

– Как машина? Не подводит? Тут вроде и ломаться-то нечему, – не без издевки спросил Мамин.

– Ломаться может и нечему. Но обслужить и отремонтировать всегда есть что! – авторитетно заявил Семен. – Ска-

жем, масло в двигателе. По инструкции надо менять каждые семьсот километров. Некоторые агрегатные узлы – смазывать через каждые триста! А баббитовые вкладыши, клапаны, нагар с поршней?! Я в гараже только под ней и загораю.

Мамина удивило, как оживилась при словах о клапанах, вкладышах Лиза. Почему? Не могли же, в самом деле, заинтересовать девушку двадцати лет такие вещи.

Брест того времени представлял собой замес из советско-польско-еврейских особенностей. Город мало походил на приграничный район за два дня до войны. По крайней мере, как себе это представлял Мамин. В отличие от вокзала, на улицах в военной форме было немного. Мамин ожидал, что увидит перемещение воинских колонн, блокпосты, но ничего этого не было. Суэта вокзала (в чем не было ничего необычного) сменилась на улицах «викторианской» размерностью. Работали лавки, магазины. Горожане, казалось, занимались привычными делами. По дорогам нередко двигались гужевые повозки. В общем, никакой истерии по поводу приближающейся войны. И это в то время, когда в нескольких километрах стояли танковые группы Гепнера и Гудериана. В голове это не укладывалось.

– А вы, Лиза, из здешних? – поинтересовался Мамин, отвлекаясь от мыслей.

Лиза с удовольствием рассказала, что она учится в Минске на медицинском факультете Беларускаго государственного университета, комсомолка, секретарь комсомольско-

го кружка. Целый ректор БГУ Парфен Петрович Савицкий просил ее обождать с поездкой домой, потому что завтра двадцать первого июня начнется научная сессия, посвященная 20-ию основания БГУ. Будет открыта большая выставка достижений, где она вместе с активистами своего факультета подготовила ряд работ. Но остаться она не могла, потому что получила письмо от отца, который просил приехать, не позднее двадцать первого числа. На это число билетов не оказалось, получилось взять на двадцатое. Поэтому она решила сегодня остаться в Бресте у своей подруги.

– Товарищ Мамин, – официально обратилась она, – Передайте подарочек, там фамилия, имя, отчество указано. А я вот, через две улицы уже могу выйти. ПОЖААЛУУЙ-СТААА!

На свертке из картонной бумаги, перевязанном крест-накрест бечевкой, который она держала в руках, действительно вся необходимая информация содержалась. Мамин начал было отказывать, но в разговор вмешался Семен.

– Давай, я отдам. Знаю, где найти, – Стебунцов взял сверток и положил между собой и Лизой.

Мамин спросил у Лизы о занятиях, кроме учебы. И с интересом узнал, что Лиза под стать Семену, стреляла из боевого оружия, сдавала нормы ГТО, состояла в команде волейболисток университета. Она в двух словах рассказала про свою подругу Олю, какого-то партийного работника Брестского облисполкома, про ее брата-боксера, чемпиона города.

– Они тут все спортсмены, причем стреляют, прыгают с парашютом, – подумал Мамин.

Говорила Лиза торопливым языком. Изъяснялась с легким южным белорусским акцентом, что придавало говору пикантность. Во время рассказа тараторила, не успевая набирать воздуха в легкие, старалась больше информации вложить в каждое предложение.

В целом, Мамин сделал вывод, что студенты БГУ времени 1941 года были весьма жизнерадостны. Ощущалась уверенность в завтрашнем дне, сплоченность, как бы сказали в 21 веке, корпоративность среди ее друзей. Они были увлечены жизнью университета и с интересом смотрели в будущее. Ни о какой войне Лиза не обмолвилась. Но Мамин понял, случись это, такие девушки без колебаний возьмут в руки оружие или санитарную сумку и отправятся на фронт.

Лиза внешне казалась девушкой, с определившимися целями. На самом деле, это было не совсем так. Несмотря на вовлеченность в общественную жизнь, было что-то, что мешало обрести цельность. Что именно, Лиза объяснить не могла, но это ощущение не давало по-настоящему, получить удовлетворение от жизни. Вот сидит она на комсомольском собрании, а в голове мысль о дедке Зосиме, о том, как ушел он жить на дальний хутор с приходом Советской власти. И это мешало. Мешало быть счастливой. Слушая рассказы своих сверстников о раскулачивании, о проклятых недобитках-капиталистах, вспоминала рассказы про родительский хутор,

про хозяйство. И не укладывалось в голове, почему нельзя было оставить хозяйство деда. Он ведь не капиталист, не кулак. Много еще каких мыслей варилось у Лизы. И все они были связаны с семьей. Вот и получалось, что семья для Лизы оставалась важнее идей и лозунгов. Она сама еще не понимала, что именно по этой причине предпочла выставке поездку домой.

Бах, тпхх, тпхх, тпхх! Под капотом забахало, щелкнуло и мотор затих.

– Блин-горелый, – матюгнулся Семен и вылез из кабины.

– Что, Семен, поломка? – спросил Мамин, выйдя из машины. Лиза хвостиком пристроилась сзади и заглядывала через плечо.

– Говорил я интенданту, что нельзя от Захара это ставить, – сказал Семен, отворив капот сбоку и ткнув пальцем в какую-то штуковину.

– От кого? – переспросил Мамин.

– Захара.

– Почему – Захар? – удивленно спросил Мамин.

– Так, Захар Иванович Сталин. ЗиС-5. Вы что, не знали, товарищ Мамин? – настало время удивляться Стебунцову.

– Нет. Почему я должен это знать?

– Все знают, – серьезно ответил Стебунцов.

– Ммм. Но ЗиС – это завод имени Сталина. Причем здесь Захар? – Мамин постучал костяшками по крылу. Не штамповка, а сотворенная из жести на каком-то гибочном станке,

грубовато.

– Ну, это завод. А ЗиС – это Захар Иванович Сталин. У нас в гараже все так говорят, – логика у Семена была «буденновская».

– Я тоже слышала. Все так говорят, – вставила свои «пять копеек» Лиза.

Оба молодых человека устались на Мамина. Алексей, который в компании молодежи чувствовал себя уверенно, не так, как при корреспонденте или майоре из комендатуры, понял, что поступил неосмотрительно. Еще один прокол, – подумал Мамин. Шпион из меня никудышный. Мамин представил, что бы сейчас сделал Санчес Поярков, видя разведывательную деятельность своего протеже. Головой бы укоризненно покачал, наверное, да и, вздохнул бы грустно.

Мамин тоже грустно вздохнул.

– А у нас в Ленинграде так не говорят, – отрезал Алексей.

Название города трех революций произвело магическое действие. Семен и Лиза как-то стушевались и затихли. Тот же! Это вам не Южно-Уральск и не деревня в Брестской губернии. Мы тоже кой чего «могем»! Или «могем», как говаривал бессмертный Леня Быков.

По дороге мимо ГАЗика проехал грузовик. В открытом кузове сидели в два ряда красноармейцы. Через опущенное стекло кабины на загорающую троицу посмотрел командир, его звания Мамин не разглядел. Грузовик проехал метров сто и остановился.

– Вроде, не наш. Не из гарнизона, – сказал Семен, проводив грузовик взглядом. Потом вернулся вновь к пятидесяти-сильному двигателю.

Из остановившегося грузовика спрыгнули три бойца.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ ГЕРМАНИИ О НАЗНАЧЕНИИ СРОКА НАПАДЕНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

10 июня 1941 г.

На основе предложения, представленного главным командованием сухопутных войск, Верховное главнокомандование вооруженных сил назначило для приготовления к военным действиям следующие сроки:

1. Днем "Д" операции "Барбаросса" предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) сигнал "Дортмунд". Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов;

б) сигнал "Альтона". Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придется пойти

на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно.

По поручению: Гальдер.

20 июня 1941 года, вокзал г. Брест, 6 утра.

По перрону, ловко огибая прохожих, шел мужчина в стильном костюме, при галстуке, на голове шляпа, в руках небольшой фанерный чемодан. Он прошел вдоль здания вокзала, рассеянно глядя перед собой. Только очень искусный филер мог бы обратить внимание на то, что человек в шляпе сосредоточенно изучает здание. И в глазах был не праздный интерес, а интерес разведчика. Мужчина вошел в вестибюль, пересек его и, выйдя на площадь, сел на заднее сидение черной Эмки.

– Куда? – спросил водитель.

– В НКГБ.

Мужчина расстегнул пиджак, поудобнее уселся на заднем сидении, вынул из кармана маленький блокнот из светлой кожи. Он бережно погладил его пальцами, приговаривая: «гуут арбайт».

Дневник:

20.06.1941.

Сегодня уже двадцатое число. Я, наконец, добрался до пункта назначения. И все это время мне не дает покоя распоряжение, которое я получил в Харбине. Операция назначена на 21 июня. Чертовы документы. У меня есть еще сутки, чтобы пропальпировать ситуацию. Начать решил с НКГБ. Надеюсь, Берта завтра будет со мной.

Сегодня остановился у вокзальных часов и подумал: «Господи, помоги моей стране пережить кошмар, в который толкает ее этот безумный ефрейтор».

Это будет последняя седьмая библейская язва. Шесть других уже случились. Вместе с ней погибнет половина человечества, если не все разом. Седьмая язва – Второе пришествие Христа, самое разрушительное и славное событие. *«Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днём, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо ты [сказал]: “Господь – упование моё”; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему, ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею... “За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Моё. Воззовёт ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избав-*

лю его, и прославлю его, долгою днѣй насыщу его, и явлю ему спасение Моё»».

С чего все это началось? С моих экспериментов или с Хирохито? Наверное, все же с императора. В каком году это произошло? Кажется в двадцать шестом. Эпоха просвещенного мира – девиз, который император Хирохито выбрал для своего правления. Да, он верил в силу науки. Наука – лучший друг убийц. Наука может убить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы людей за короткий промежуток времени. Император знал, о чем говорил. Император – не святоша. Без убийства он не может удержаться на маршруте. Я тоже, как и Хирохито, изучал биологию. Он считает, что биология поможет Японии завоевать мир, я считаю, что биология поможет делать совершенных людей. Ведь как они божеественно совершенны внутри. Не каждому довелось это счастье – видеть внутренний мир человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.